63.5(6А8)
М84

МОСТЫ



Ц4ХЧ

G3.5(6АЗ)
М84

Абхазский Институт Гуманитарных Исследований им. Д.И.Гулиа

М О С Т Ы

АЦХҲАҚӘА

сборник научных статей
выпуск первый

Содержание

5 ГАЛИЯ КАЛИМОВА, ВЯЧЕСЛАВ ЧИРИКБА.
Фрагменты речевого этикета абхазов

27 МАРИНА БАРЦЫЦ.
Судьба в системе традиционного мировосприятия абхазов

45 СИМА ДБАР.
Предродовые запреты у абхазов

51 РУСЛАН ГОЖБА.
К изучению обычного права и ораторского искусства у абхазов

Материалы

67 ЦИРА ГАБНИА.
Анҵамҭақәа рҟынтә

S47

Редакционный совет:

Е.М.Малия
Пола Гарб
М.М.Барцыц

Благодарим

Романа Аргун и Аслана Кобахия

за спонсорскую помощь в

публикации этих материалов

На обложке: фрагмент фотографии
Д. И. Ермакова "Абхазцы" 1867 г.

Издательство «Алашара»
Сухум - 1998 г.

От составителя

"А история – что есть? Уход или приход к национальной сути?"
Г.Гачев

В преддверии нового столетия мы стоим перед необходимостью выработки стратегии сохранения культуры, обеспечения преемственности, не разрывая единства культурного процесса. И в этом процессе особое место занимает традиция, именно она является мостом между прошлым и будущим, выполняя функцию трансляции культуры. Сегодня нам необходимы исследования этнической культурной традиции, в особенности духовной культуры, недостаточно изученной в абхазской этнографии.

Предлагаемый вашему вниманию сборник открывается работой Г.Калимовой и В.Чирикба "Фрагменты речевого этикета абхазов". Объект исследования – застольный этикет – представляющий интерес с точки зрения этнографии общения и психолингвистики.

Судьбе - важнейшей категории индивидуального и коллективного сознания посвящена работа М..Барцыц.

Система запретов занимает особое место в любой этнической культуре, с ней связана и выработка стратегии поведения человека. В традиционной поведенческой культуре абхазов, как и у других народов, табуированным (цасым) оказывается поведение женщины во время беременности. Предродовым запретам, имеющим в большинстве случаев религиозно-магический характер, посвящается исследование этнолога С.Дбар.

В сборнике публикуется выдержка из эссе Р.Гожба "Абхазские этюды", содержащая материалы по обычному праву и ораторскому искусству абхазов.

В рубрике «Материалы» публикуются полевые записи фольклориста Ц.Габния, посвященные восприятию и осмыслению жизни в абхазской культуре.

Сборник был подготовлен к печати в 1996 году, надеемся, что статьи его, вызовут интерес и послужат творческим импульсом для дальнейшей работы в этом направлении.

В следующие выпуски сборника "Мосты" войдут исследования по проблемам традиционной этнической религии абхазов, ритуалам жизненного цикла (свадьба, похороны и т.д.), этикету, обычному праву.

С признательностью к друзьям за моральную и техническую поддержку

М.Барцыц

Галия Калимова
Вячеслав Чирикба

ФРАГМЕНТЫ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА АБХАЗОВ[1]

В абхазской этике[2] застольный этикет является одним из компонентов (правда, немаловажным) изощреннейшего и в деталях разработанного этикета абхазов (*апсуара*), должным образом еще не изученного.

Аԥсуара можно определить как совокупность морально-этических норм поведения, охватывающих все формы общественной жизни абхазов и сложившихся в результате длительного исторического процесса развития народа. *Аԥсуара* - это стиль жизни каждого абхаза, который сопровождает его с рождения до смерти. О значении категории *аԥ суара* в жизни народа дают некоторое представление многочисленные речения, содержащие данный термин. Ср. Стандартные фразы в тостах: *Хаԥсуара анцәа иумырзын* 'Наш апсуара, боже, да не утеряй!', *Уаԥсуара уагымзаait* 'Да не иссякнет твой апсуара!' О недостойном поступке говорят: *аԥсуара иатәым* 'не принадлежит (т.е. чужд) апсуара ' и т.п.

Сложная система регулирования поведения, весьма значительная формализация его и сложившиеся стереотипы продолжают сохранять огромное значение и в жизни современных абхазов. С детства воспитываются они на кодексе *апсуара*. Система эта не давит на человека, а, напротив, позволяет ему верно ориентироваться в самых разнообразных жизненных ситуациях и принимать опти-

---

[1] Этнопсихолингвистика. / Ю.А.Сорокин, И.Ю.Марковина, А.Н.Крюков и др., М., 1988.

[2] Материалы собирались в Бзыбской Абхазии. Приносим искреннюю благодарность знатокам абхазского этикета К.С.Шакрылу, М.Гожба, В.Арнауту и другим за консультации.

мальные для данной ситуации решения. Тем самым резко снижается количество возможных стрессогенных ситуаций, что весьма благоприятно сказывается на моральном климате коллектива (Бенет 1982, 209).

Этнографическое описание абхазского застолья можно найти в работах Н.С.Джанашия (1960), Г.Ф.Чурсина (1956), Е.М.Шиллинга (1926) и др. Наиболее подробное этнографическое описание застолья и связанных с ним церемоний принадлежит Ш.Д.Инал-ипа (1965; 1978). Авторы не имели возможности ознакомиться с книгами Б.Х.Бгажнокова «Очерки этнографии общения адыгов». Нальчик, 1983 и Ш.Д.Инал-ипа «Очерки об абхазском этикете». Сухуми, 198;, так как данная работа была написана ранее).

Отметим наиболее важные категории апсуара.

АнамысІАламыс - чрезвычайно важная категория, нередко приближающаяся по содержательному объему и значению к апсуара. Это - совесть человека, его личный моральный кодекс, то внутреннее мерило, с которым человек подходит к жизни, людям, к своим обязанностям, дому, чести, любым проявлениям добра и зла.

АпатуІпатукуцара (реже *аҳаҭыр)* - почтительное уважение к старшим, к женщине, уважение человека как личности.

Ауаҩра - человечность, гуманность.

Ахацара - мужество, героизм, стойкость духа. Отмечается, что *ахацара* может по-настоящему проявить человек лишь тогда, когда оно сочетается с *ауаҩра* а (см. Инал-ипа 1978, 64-65).

Асасдкылара - гостеприимство. Согласно представлениям абхазов, гость - божий посланник, личность его неприкосновенна.

Ачеицьыка - хлебосольство, чрезвычайно важная категория, без которой немыслим апсуара. Нехлебосольство сурово порицается общественной моралью. Категория эта неразрывно связана с предыдущей.

Ахацгылара - обязательное вставание при виде гостей, старших; стояние невестки в присутствии свекра; обслуживание застолья и т.д.

Аамысташәара - благородство, изящество в облике, в манере поведения, в речи человека.

Кроме положительных категорий абхазского этикета, необходимо отметить и запретительные категории – *Пхашьароуп* и *цасым.*

Пхашьароуп (букв.'стыдно') - нежелательность, непозволительность поступков, образа жизни и т.п., несовместимых с нормами общественной морали. Эта категория определяет в качестве постыдных такие явления, как чревоугодие и застолье, пьянство, негостеприимность, фамильярность в разговоре со старшими по возрасту, всякие проявления несдержанности.

Цасым (букв. 'не обычай') - система запретов личных или общественных, налагаемых на недопустимые на недопустимые с точки зрения религиозных воззрений, обычая или соблюдение так называемых «запретных дней» (*амшьара*), в течение которых нельзя было заниматься какой-либо работой по дому; согласно воззрениям абхазов нельзя заливать огонь в очаге водой, бросать в огонь мусор, свистеть в помещении и т.д. Строжайшие запреты налагались на браки между родственниками, даже между однофамильцами.

Абхазский застольный этикет представляет собой интереснейший объект исследования с точки зрения этнографии общения и психолингвистики. В данной работе впервые делается попытка анализа его как специфической форме национально-культурного речевого общения.

Рассмотрим составляющие абхазского застольного этикета. Категория *ачеиджьыка*, как уже было сказано, является одной из важнейших в кодексе *апсуара*. По существу любое событие в жизни народа сопровождается застольем. Детальная разработанность канонов застолья, их значительная консервативность и идущая отсюда нетерпимость к изменению традиционных устоев свидетельствуют о том, что абхазский застольный этикет - продукт весьма длительной традиции, своими истоками уходящей в глубь истории. Необходимо подчеркнуть ярко выраженный ритуальный характер застолья, так как все действия и церемонии, его сопровождающие (главным образом благопожелания (тосты) и следующее за ними

винопитие), обусловлены именно таким его ритуальным характером. Благопожелание, винопитие, несомненно, носили магический характер, так как считалось, что с их помощью можно повлиять на судьбу человека, на ход событий в жизни людей. Отсюда близость некоторых особенностей языка тостов (использование стандартных молитвенных формул, магических чисел и т.д.) к языку заговоров. Непосредственный ритуализированный характер застолья и винопития сохраняется у абхазов и поныне в виде обязательного соблюдения этикетности в любом виде застолья и сопровождения винопития благопожеланиями (тостами).

Тосты - весьма интересный элемент застолья. Именно здесь проявляется ораторское мастерство человека (а в абхазском застолье, в отличие от некоторых других кавказских традиций, тосты на тему, предложенную тамадой, произносит каждый участник застолья); происходили даже своеобразные состязания в красноречии. Например, в застолье, связанном с приемом гостей, где тамадой является хозяин или человек, представляющий его (близкий сосед и т.п.), происходило состязание в красноречии и винопитии с «соперничающим» с ним в этом представителем из группы гостей. Застолье служило и своеобразной школой сохранения и передачи традиций последующему поколению. Здесь молодежь училась не только красноречию, правилам застольям и необходимой при нем выдержке, но по существу приобретала знание основных канонов *апсуара*.

Застолье

Для анализа церемонии застолья важны следующие моменты:

Виды застолья: а) традиционные: свадебное, похоронное, поминальное, связанное с приемом гостя, с рождением ребенка и т.д.; б) инновативные: день рождения, проводы в армию, новоселье, праздник урожая и т.д.

Участники застолья: а) мужчины - хозяин (сторона хозяев, близкие соседи); б) женщины - хозяйка (женщины со стороны хозяев); гости.

Дифференциальные признаки (ДП) участников застолья[3]: а) пол; б) возраст; в) общественное положение (степень почетности);

[3] Ср. с ДП, выделяемыми Т.В.Цивьян для описания этикетного поведения европейцев [Цивьян, 1965]/

г) родственные отношения между хозяевами и гостями, родственниками с материнской стороны (со стороны невестки), с другими родственниками; д) степень удаленности места, откуда приехал гость.

Можно выделить следующие церемонии абхазского застолья: 1) омовение рук; 2) вхождение в помещение (где будет происходит застолье); 3) рассаживание за стол; 4) собственно застолье; 5) выход из-за стола; 6) омовение рук.

О м о в е н и е р у к. ДП: мужчины - женщины; старшие - младшие; хозяин - гости.

В этой церемонии (как и во всех последующих) строго соблюдается половозрастное деление участников церемонии, равно как и степень почетности участника церемонии. Первыми моют руки мужчины, из них привилегией в первенстве обладают старшие, открывает же эту церемонию хозяин. Именно хозяин приглашает участников предстоящего застолья омыть руки. Для этого он использует следующие слова: *Шәнапқуа азы рықушәҭәа*, что означает ‘Руки водой омочите’. Сказать *Шәнапы шәызәзәа* ‘Помойте руки’ - менее вежливо. Характерной особенностью этой, а также других подобных ситуаций является то, что хотя участники церемоний прекрасно знают свое точно определенное место в иерархии, соответствующей данной церемонии, тем не менее каждый раз происходит зачастую затяжной спор по поводу того, что тот, кто обладает привилегией быть первым в совершении церемонии, стремится уступить другому свое право на первенство.

В х о ж д е н и е в п о м е щ е н и е . ДП - те же. Привилегия войти в этой церемонии отдается мужчинам, входят по старшинству, первым входит хозяин.

Р а с с а ж и в а н и е з а с т о л. ДП: мужчины - женщины; старшие - младшие ; гости - хозяева; родственники матери (невестки) - другие родственники; гость издалека.

После омовения рук участников застолья приглашают к столу. Согласно этикету не полагается сразу же занять свое место. И здесь возникает своеобразная игровая ситуация, при которой каждый четко знает свое определенное (по статусу) место за столом, но тем не менее настойчиво пытается уступить свое более почетное

место соседу по столу, занимающему сравнительно с ним менее почетное место.

Наиболее почетным является место, максимально удаленное от входа в помещение (*аишәа ахы*). Туда обычно сажают старшего мужчину со стороны хозяев. Следующие по рангу почетные места занимают гости - мужчины строго по возрастной иерархии. Младшие мужчины садятся в конце стола (*аишәа аҵыхуа*). Младшие члены семьи мужского пола за стол обычно не садятся. Их функция - обслуживать застолье. Хозяйка также за стол с мужчинами не садится.[4]

Женщины, как правило, занимают отдельный стол в другом помещении и начинают трапезу уже после того, как расселись мужчины. Рассаживаются за стол они также согласно возрастной иерархии, но женское застолье отличается от мужского меньшей этикетностью.

Застолье может происходить и на открытом воздухе. Если стол расположен с севера на юг, то головой стола является северная часть. Если же с запада на восток, то - восточная.

Выход из-за стола (по окончании застолья) несколько отличен от церемонии рассаживания. Младшие, как правило, покидают стол раньше. Старшая группа участников застолья поднимается из-за стола одновременно с тамадой. Если в процессе застолья кому-либо необходимо выйти из-за стола раньше остальных, то он, не дожидаясь, пока тамада предложит следующий тост, поднимается и вежливо просит позволить уйти. Если возражений нет, то он говорит заключительный тост и, выпив бокал, уходит. Вышедшему из-за стола возвращаться за стол уже не положено.

Выходят из помещения, также соблюдая возрастную иерархию. Следующее за этим омовением рук происходит в порядке, описанном выше.

Собственно застолье. Структурно собственно застолье делится на два этапа: 1) зачин к застолью (до выбора тамады), 2) основное застолье (под руководством тамады).

---

[4] Иногда (в зависимости от вида застолья и количества людей), самая старшая в доме женщина может (спустя некоторое время) подсесть к столу мужчин и поднять бокал за присутствующих.

1. Зачин к застолью. ДП участников: старший со стороны хозяев - все остальные; старшие - младшие; общественное положение.

Сигналом к началу трапезы служит приглашение хозяина (либо старшего со стороны хозяев): *Сшеыкухшоуп, шәнапы ашәыркы* 'Дорогие, приложите руки (к трапезе)'. Хозяин первым начинает трапезу. Начинают трапезу обычно словом *ԥсимиллаҳ*[5]' (в зависимости от региона). На этом этапе застольем руководит старший со стороны хозяев (это может быть и ближайший сосед). Он предлагает первые тосты, а также руководит церемонией выбора тамады.

Первый тост во всех видах застолья (кроме похоронного и поминального) - *Анцәа улыԥха ҳаҭ* 'Боже, ниспошли нам свою благосклонность' (букв. 'тепло очей'). Этот тост носит характер молитвы. По произнесении его, в зависимости от региона, присутствующие могут сказать: *Амин, анцәа иҳәааит* 'Аминь, бог да скажет!', *Амин,анцәа иуциҳәааит* 'Аминь, бог да скажет вместе с тобой !' и т.п. После этого каждый поднимает свой бокал, негромко произносит вкратце тот же тост-молитву и пьет.

Тосты провозглашаются и пьются стоя. Исключение делается для самых старших из присутствующих, на что те не сразу соглашаются.

Последовательность поднятия бокалов соблюдается согласно иерархии: старший - младший; из группы ровесников привилегию поднять бокал первым имеет тот, кто занимает более почетное общественное положение.

Тамаду (*аҭамада, аҭолбашь, аҭламбашь*) выбирают во всех видах абхазского застолья, кроме похоронного, то в помощь тамаде выбираются помощники (один на 30 - 40 человек), которые относительно автономно ведут застолье той группе, руководителем которой их выбирают.

Абхазское застолье характеризуется своеобразным «диктатом» тамады. Требования его неукоснительно выполняются и являются обязательными для всех присутствующих. Тамадой обычно выбирается мужчина среднего возраста, обладающий опытом веде-

---

[5] Искаженное араб. Bismillah 'во имя Аллаха (милостивого, милосердного)'

ния застолья, детальным знанием этикета, красноречием, дипломатичностью, выдержкой. Тамадой становится представитель хозяев.

Избрание тамады, как уже было сказано, проводит руководитель стола. Он поднимается и провозглашает тост за здоровье выбираемого, называя его имя. Каждый поднятием бокала одобряет предложенную кандидатуру, хотя выбираемый согласно этикету упорно отказывается занять почетную «должность».

В ответ новоизбранный тамада должен выпить благодарственный тост, но по желанию присутствующих он может отсрочить его до конца застолья. Выбором тамады заканчивается зачин к застолью.

2) Основное застолье. ДП участников: тамада - все остальные; старшие - младшие; общественное положение.

ДП тостов: зависимость от вида застолья: общественное - персональное; обязательное - ситуативное.

Традиция абхазского застолья не допускает винопития без предшествующего ему провозглашения тоста (СР. *Акы ахымҳәаазакуа избаужәо*? 'Как можно пить, не сказав, за что пьешь?') Отсюда и довольно жесткая регламентация тостов в зависимости от вида застолья и строгий порядок их провозглашения.

В любом застолье можно выделить тосты обязательные и ситуативные, общественные и персональные.

Так, в свадебном застолье обязательными являются тосты № 1, 2,3,4,5,6,7,8,9,11,13,14,15 (см. Таблицу ниже). Тосты 3 1 и 2 в свадебном застолье объединяются в один, где стандартные обращения к богу сочетаются с благословением молодых. Этот тост называется *Агуыи агуацәи зкыу иныҳәаҩа* 'Тост держащего сердце и печень'. Согласно ритуалу его произносит только старейший из присутствующих. Остальные этот тост не повторяют, а одобряют возгласом *Амин*.

Нумерация в таблице в целом отражает последовательность провозглашения тостов. Порядок остальных тостов определяется тамадой, т.е. строго не фиксирован.

Таблица 1

№ тоста	Ритуалы благопожелания (тосты)	Виды застолья: свадебный (*ачара*)	прием гостя (*асас дкыдлара*)	похоронный (*аҧҵәарақәа ахырҧатәра*)	поминальный (*аҧсхыра*)
1.	Молитвенный зачин	+	+	-	-
2.	Благословение невесты и жениха	+	-	-	-
3.	За принимающих гостей (хозяев)	+	+	-	+
4.	За тамаду	+	+	-	+
5.	За народ	+	+	-	+
6.	За жениха и невесту	+	-	-	-
7.	За родителей невесты	+	-	-	-
8.	За родителей жениха	+	-	-	-
9.	За дружку невесты	+	-	-	-
10.	За родителей	+	+	-	-
11.	За кровных родственников	+	+	-	+
12.	За округу (поселок)	+	+	+	+
13.	За старшего из гостей	+	+	-	+
14.	За старшего из хозяев	+	+	-	+
15.	За почетных гостей	+	+	-	+
16.	За соседей	+	+	-	+
17.	За обслуживающих застолье	+	+	+	+
18.	За апсуара	+	+	-	+
19.	Благодарственный	+	+	-	+
20.	За хозяйку	+	+	-	+
21.	За святыню	-	+	-	-
22.	За молодежь	+	+	-	+
23.	За погибших и пропавших без вести на войне	+	+	-	+
24.	За упокой души	-	+	+	+
25.	За семью умершего	-	-	+	+
26.	Тост, завершающий похоронное застолье	-	-	+	+
		-	-	+	+

Тосты № 4, 9, 13, 15 являются персональными. После того как все выпьют за кого-либо из присутствующих на свадьбе (например, за почетного гостя, за старшего в семье жениха и т.п.), этот человек обязан выпить благодарственный тост.

В перерывах между тостами поют песни, танцуют.

Очередность поднятия бокалов происходит строго согласно возрасту. Пока говорит тамада, все его молча слушают, не притрагиваясь к бокалам. После тамады поднимает бокал старший из сидящих за столом и так пьют все остальные.



Прием гостя (*асасдкылара*). Обязательными здесь являются тосты № 1,4,5,13,14,15,11,10,20,22, 17, 3 (примерно в этом порядке). Остальные тосты могут быть предложены по усмотрению тамады. В тосте № 22 гости пьют за детей хозяев.

Похоронное застолье (*апсраҽы ˘ акрыфара*) отличается от всех других именно своей непродолжительностью и строгой регламентацией количества тостов. Тамаду не выбирают, руководит застольем старший из соседей или некровный родственник. Тосты очень немногословны. Во время их произнесения вставать не положено. Все указанные в таблице для похоронного застолья тосты являются обязательными. Тосты № 12 и 16 объединяются в один. Последовательность тостов следующая: № 24, 25, 11; 12 и 16; 23, 26.

Поминальное застолье (*аԥсхура*). В отличие от похорон, избирается тамада. Обязательными тостами являются (в примерном порядке их следования): № 3 и 24 (вместе), 4, 5 (или 5, 24), 13, 14, 15, 11, 23, 16, 7; далее - по усмотрению тамады.

СТРУКТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТОСТОВ

Структура тостов

Структурно тост можно разделить на ядро и элементы его обрамления. Элементы обрамления - относительно устойчивая, стандартная часть тоста в отличие от ядра, которое является вариативным (в зависимости от вида застолья и темы тоста). К элементам обрамления относятся молитвенный зачин и молитвенное заключение. Обе эти структурные части тоста характеризуются как наличием набора стандартных речений (содержащих апелляцию к богу), так и тематической увязкой их с темой тоста. Содержательно и зачин и заключение незначительно отличаются друг от друга. Количественно они состоят из двух-трех предложений.

Молитвенный зачин содержит обычно стандартные фразы, которые не оказывают влияния на структуру и содержание ядра тоста, а лишь привязываются к его теме. Молитвенный зачин составляет содержание 1-го тоста (см. Табл. 13). Начинается он стандартной фразой Анцәа *уԥҳа хԥҭ* 'Боже, ниспошли нам свою благосклонность' 'Боже, благослови нас', затем может идти фраза *Анцәа бзиара ҳзыӄаԥа* 'Боже, добро нам сделай' и т.д. Здесь характерно обращение к богу во 2-ом лице ед. Числа (класса мужчин). В других тостах молитвенный зачин содержит пожелание божественного участия в свершении пожелания, например: *Ажәлар анцәа иныҳәааит* 'Да благословит бог народ!', *Анцәа уиныҳәааит* 'Да благословит бог тебя (мужчину)!' и т.п.[6]

Молитвенное заклю-чение более вариативно и не всегда включает прямую апелляцию к божественному участию в исполнении того или иного пожелания. Однако и в этом случае идея такого участия имплицитно присутствует.

Ядро тоста полностью подчинено его теме. Здесь нет жесткой регламентации количества предложений и временной продолжительности, все это в значительной степени определяется индивиду-

[6] Именно традиционностью и нетерпимостью к трансформации застольного этикета объясняется наличие в языке тостов большого количества религиозной лексики (апелляция к богу, молитвенных формул и т.д.). Для современных участников застолья использование этой лексики является лишь реализацией привычных речевых моделей

альными способностями говорящего. Наряду с набором стандартных здравиц или благопожеланий ядро тоста может включать и личную характеристику лица, за здравье которого поднят стакан (в персональном тосте), различные воспоминания, поучительные истории из жизненного опыта говорящего, притчи, связанные с темой тоста, нередко юмористического характера. Функционально роль тоста ограничивается коммуникативным аспектом, так как он лишь часть этикетного поведения, ритуала общения. Информативная же нагрузка его чрезвычайно мала.

Языковые особенности тостов.

Порождение тоста осуществляется путем импровизации на тему тоста по традиционным моделям, с использованием большого количества готовых, стандартных формул. Накопление готовых формул, используемых в тосте, происходит у абхазов с детства, в процессе основных моделей построения тостов, человек не нуждается в заучивании готовых текстов тостов, приуроченных к разным ситуациям.

Когда произносится тост, мы имеем дело с творческим актом. Это может быть, конечно, и простое «нанизывание готовых формул на тему тоста. Но поскольку в абхазском застолье, как это уже отмечалось выше, на одну и ту же тему должны высказываться в принципе все участники застолья, им приходится импровизировать для того, чтобы не повторить своего предшественника. Это побуждает их использовать весь арсенал своего красноречия. Отсюда проистекает все стилистическое богатство языка тостов, нередко не лишенных определенных художественных достоинств.

Язык тостов характеризуется определенными лексико-семантическими, грамматическим, стилистическими и некоторыми другими особенностями.

Лексико-семантические особенности.' Наиболее употребительную в языке тостов лексику можно разобрать на ряд семантических групп.

Религиозно-обрядовая лексика: *анцәа* 'бог', *аԥааимбар* 'ангел, пророк', *алыԥха, аныҳәара* 'благословение', *амшьҭ бзиа* 'удача' (букв. 'счастливый след'), *аԥсаҭа* 'место души (на том свете); *анарцә,, ҳараҭ* - 'тот свет', *аԥсы* 'душа' *амин* 'аминь', *аныҳәара* 'молитва'.

Лексика, отображающая моральные категории: *абзиара* 'добро', *ацәгьара* 'зло, несчастье', *анасыԥ* 'счастье', *апату* 'уважение', *анамыс* 'совесть', *агуакра* 'мучение, страдание', *агурԥьара* 'радость', *ахьаа* 'боль', *агурҩа* 'печаль грусть', *ауаҩра* 'человечность', *жәеингуашәԥхьара* 'бесконечное счастье'.

Социально-бытовая лексика: *ажәлар* 'народа', *асас* 'гость', *аԥшәма* 'хозяин', *ачара* 'свадьба', *аԥсыжра* 'похороны', *аԥсхура* 'поминки', *аҭынха* 'родственник', *аҭаацәа* 'семья', *ацуҭа* (*аҳабла*) 'поселок, община', *ажьрацәара* 'кровное родство', *ацьабаа* 'труд', *ачеиԥьыка* 'хлеб-соль', *аҭамада* (*атлamбошь*) 'тамада', *аныҳәаҩа* 'тост', *аидажәлара* 'совместная старость'.

Лексика, характеризующая абстрактные категории: *адуней* 'мир, свет', *аԥсыԥцры* 'время жизни', *аҭынчра* 'мир, спокойствие', *аԥсҭазаара* 'жизнь', *аԥсадгьыл* 'родина', *абзабаа* 'счастливая, беззаботная жизнь'.

Консервативный характер языка тостов обусловил относительно малый процент заимствованной лексики в числе их традиционного лексикона. Это в основном арабизмы и тюркизмы: *адуней* 'мир', *аҭынчра* 'спокойствие', *анасыԥ* 'счастье', *аԥаимбар* 'ангел, пророк', *ахарат* 'загробный мир' и т.п.

Грамматические особенности. В абхазских тостах нередко использование числительных, несущих магический смысл. Такими числительными являются 'семь', 'восемь', 'сто', 'тысяча', Ср.: *бжьԥацәа, бжьԥҳацәа* 'семь сыновей, семь дочерей', *хуҩыԥацәа, ҩыԥҳацәа* пять сыновей, две дочери', (в сумме - семь), *хуҩыԥацәа, хҩыԥҳацәа* 'пять сыновей, три дочери' (в сумме - восемь), *шәышықуса* 'сто лет', *зқьы шықуса* 'тысяча лет' и т.д.

Ряд числительных, не неся магического смысла, может употребляться в языке тостов в качестве устойчивых словосочетаний: *ҩба-хԥа* 'два-три', *хымш-ԥиыымш* 'три-четыре дня' и т.п.

Характерной особенностью языка тостов является преимущественное употребление глаголов в оптативе с пожелательной семантикой (что с необходимостью проистекает из специфики тоста как благопожелания). Статические глаголы образуют это наклоне-

БИБЛИОТЕКА

ние с помощью суф. *-зааит*. *шәымазааит* ‘да будете вы иметь’ *уҟазааит* ‘да будешь ты’,*дагымзааит* ‘да не потерпит он недостатка в чем-то’, *шәыкузааит* ‘да будет у вас’, *уныҳәазааит* ‘да будешь ты благословен’ и т.д.

Динамические глаголы образуют это наклонение с помощью суф. -ааит: *уиныҳәаайт* ‘да благословит тебя (бог)’, *иҟаицаайт* ‘да сделает он’, *иуыиҭаайт* ‘да пошлет (даст) тебе он (бог)’, *шәеиԥымхаайт* ‘да не разлучитесь вы’ и т.д.

Часто здесь и употребление императива: *шәымаз* ‘имейте’, *уҟаз* ‘будь’, *уныҳәаз* ‘благословен будь’ (статические глаголы); *иҟаумцан* ‘то ты (бог) не делай (не допуская)’, *ҳаҭ* ‘нам дай’, *ҳаҭоумцан* ‘нас ты не вини’ (динамические глаголы).

Наиболее употребительными глаголами в благопожеланиях являются следующие: *аҟалара* ‘быть, становиться’, *аҟазаара* ‘быть, существовать’,*амазаара* ‘иметь’, *аҟацара* ‘делать’, *аныҳәара* ‘благославлять, молить’, *аныҳәазаара* ‘быть благословленным’, *аигымзаара* ‘не иметь недостатка в общении’,*аиԥымхара* ‘не расставаться’ (о людях),*адухара* ‘увеличиваться’, *аҭара* ‘давать’.

В языке тостов часто употребляются устойчивые словосочетания. К их числу относятся:

-сочетание определяемого с определением: *ажәымҭа шкуакуа* ‘счастливая (букв. ‘белая, светлая’) старость’, *аԥсынцры ду* ‘долгие лета’, *аԥсаҭа шкуакуа* ‘светлое вместилище души’ (о загробном мире), *хҭарԥаш-касыш* ‘глубокая старость’ (букв. ‘белый (седой) башлык - белая (седая) косынка’), *насыԥ шкуакуа* ‘светлое счастье’, *ахьыз аԥша* ‘слава’, *аразҟы лаша* ‘светлое счастье’, *анцәа ду* ‘великий бог’,асадахь ‘красивый (славный) гость’,*ақура ду* ‘большой возраст’, (*анцәа*) *илаԥш хаа* ‘(бога) сладкий (нежный) взгляд’, *ҳазшаз ҳанацәа ҳабацәа* ‘родившие нас матери и отцы’, *агула азла* ‘близкий сосед’, *амшьҭ бзиа* ‘легкая (счастливая) нога’;

сочетание двух существительных, образующих одно семантическое поле:*хьаа-баа* ‘сильная боль’ (букв.’боль-гниль’), *ашәагуашә* ‘дверь-ворота’, *агурҧарақуа-аччарақуа* ‘радость-веселье’, *алыԥха* ‘тепло очей - тепло сердца’, *ламывси-патуи*

‘совесть-честь’, *аччара-ахумарра* ‘веселье-игра’, *ашьызцәа-ақулацәа* ‘друзья-ровесники’, *ачеицьика* ‘хлеб-соль’;

- сочетание двух полных синонимов: *ашҭа-гуцара* ‘двор’, *еибга-еизоыда* ‘целый’, *еихаҳа-еицаҳа* ‘широкий’ (о размерах), *абзиара-ахаара* ‘добро, доброе’, *уқу уцас* ‘то, что тебе (мужч.) положено’;

- сочетание глагола с существительным: *ргу дақушәо, ргу дахуо, ргу дақушәо*, рхы *дақушәо*, ‘чтобы он им понравился’;

- сочетание двух глаголов: *шәыччаайт* ‘чтобы вы радовались - смеялись’, *ухумарааит-уччаайт* ‘чтобы ты играл - смеялся’, *аиҧкаара-аилгара* ‘собирать - устраивать’.

В зависимости от вида застолья в языке тостов используется богатый набор стандартных речений. Их можно разбить на две группы: речения, характерные только для похоронно-поминального застолья, и речения, характерные для остальных видов застолья.

К первой группе относятся следующие стандартные речения: *уԥсаҭа бзиахаайт* ‘мир праху твоему’, *уԥсаҭа шкуакуахаайт* ‘да будет светлым место (успокоения) твоей души’, *уныцә бзиахаайт, ухарат бзиахаайт*, ‘в том мире да будет тебе хорошо’ (у мусульман), *ахарат (ныцәыҟа) уԥсыи сыԥсыи еиқушәаайт* ‘на том свете да встретятся наши души’, *раб иницыз, ҩба - хҧа ныцаайт* ‘да проживут они в два-три раза дольше, чем их отец’, *цьанаҭ гыларҭас иоуаайт* ‘да будет рай местом твоего пребывания’ (букв. ‘местом твоего стояния’) и т.п.

Ко второй группе относятся речения: *анцәа улыԥха ҳаҭ* ‘ниспошли, боже, свою (благосклонность)’, *иаҳзымдыруа ҳаҭоумцан* ‘в том, что неведомо нам, нас не вини’ (в обращении к богу или к святыне);*угурҧаайт-уччаайт* ‘да будешь радоваться-смеяться’, *нагзара ақузаайт* ‘да здравствует’, *дҭацамшхаайт* ‘да принесет эта невеста вам счастье’, *аԥсынцры ду умазаайт* ‘многие лета тебе’,*амреи амзеи реиԥш шәхеидажәлаайт* =да состоятся они вместе, подобно солнцу и луне’ (о молодоженах), *анцәа диныҳәаайт* ‘бог да благословит его’, *уныҳәазаайт* ‘да благословленным будешь ты’, *уажәымҭа шкуакуахаайт* ‘да будет светлой твоя старость’, *шәеиԥымхаайт* ‘да неразлучны вы будете’, *уаԥшәмара уагымзаайт* ‘да не иссякнет твое гостеприимст-

во', *ҳалалс иоуаааит* 'да получишь ты добром то', *ухаԥкы сцааит* 'дорогой' (букв. 'да пойду я вместо тебя); *уажэа хьыла иԥысҟоит* 'золотом режу твое слово' (высказывание-извинение за вмешательство в разговор), *анцәа иҳәааит* 'аминь' (букв. 'бог да скажет так'), *бзиала иукит* 'по-хорошему случаю ты взял (тост)' (при передаче тоста), *ԥшзала иукит* 'красиво ты взял (тост)' (ситуация та же), *бзиалоа шәныҳәаазааит* 'да по-хорошему благословенны будете вы', *ҽаанбзиала* 'в будущем году (да) будет по-хорошему', *абраҟьаҭ шәҭазааит* 'изобилие да будете вы иметь', *шәчеидцьика иазҳааит* 'да умножится ваш хлеб-соль', *улыԥха ҳаҭ, угуԥха ҳаҭ* 'очей и сердца твоего тепло нам дай' (в обращении к святыне), *ухьы шьаргуԥ ҳакӯхшоуп* 'да обойдем мы (вокруг) твою золотую ступню' (в обращении к святыне), *ахажәаара уоуаait* 'да состаришься ты под этой крышей' (при новоселье), *шәышыҟуса нуԥаait* 'сто лет да проживешь ты', *иухьша сыхьаait* 'то (плохое), что тебе уготовано, да случится со мной' и т.д.

Часто в тексте тостов встречается и употребление соответствующих тематике тоста пословиц и поговорок. Ср.: *Аԥла ԥашәла игылоуп*, ауаҩы жьрацәарала деибаркыуп 'дерево корнями стоит. Человек родством связан'.

Стилистические особенности. Частое употребление устойчивых словосочетаний, стандартных речений и формул, использование магических чисел, пословиц, поговорок, насыщенность языка тостов религиозно-обрядовой лексикой, отображающей моральные и абстрактные категории, а также ряд грамматических и просодических особенностей в совокупности формируют специфические особенности стиля языка тостов. Отметим и другие стилистические приемы, характерные для языка тостов, например использование:

а н а ф а р ы :*Арыи нахыс ацәгьара ари аҩнаҭа анцәа ишәзааумган. Ари нахыс ачарақуа иуа, иҭынхацәа дрыԥхьо анцәа дҟаиԥаait* 'С этих пор да не пошлет бог несчастье в этот дом. С этих пор пусть он играет свадьбы, созывает родных, бог да сделает это ему'. Анафорой здесь является повторение сочетания *ари нахыс* 'с этих пор' в пределах одной синтагмы; *Чара хуҷы ыҟам, чара ду ыҟам, ачарақуа рҽы бзиала есҟьынагь уныҳәаҽа ркуо, агуабзиара угымкуа анцәа уҟаиԥаait* 'Свадьба

маленькая ли, свадьба большая ли, на свадьбах по-хорошему в твою честь пусть пьют, в здоровье бог да не откажет тебе' (в тосте в честь тамады); анафорой служит повторение слова *ачара* 'свадьба';

э п и т е т о в : *шкуакуа* 'белый, светлый' (*ажәымҭа шкуакуа* 'белая, светлая старость'), *дахь* (в сочетании асас дахь 'красивый, славный гость'), *лаша* 'светлый' (*аразҟы лаша* 'светлое счастье'), *хаа* 'сладкий (нежный)' (в сочетании *ԥалаԥш хаа* 'сладкий (нежный) взгляд');

м е т а ф о р: *хҭырԥаш-касыш* 'глубокая старость' (букв. 'седой башлык - седая косынка');

с р а в н е н и й: *Амреи амзеи реиԥш шәеидажәлаait* 'Да состарятся они вместе подобно солнцу и луне', *нарҭаа дууқуа реиԥш* 'подобно великим нартам'.

В языке тостов употребляются следующие вокативы: *анцәаду* 'великий боже', иа анцәа 'о, боже' - при обращении к богу в молитвенном тосте; *ажәлар шәхацкы* 'уважаемый народ' (при обращении к собравшимся), *аҩызцәа* друзья, товарищи' - к ровесникам или младшим, *аҩызцәа-ақулацәа* 'друзья' - к ровесникам (между мужчинами среднего или младшего возраста), *дадраа* 'дети' - при обращении старшего к группе младших, *уххьа згит* 'уважаемый тамада' (к тамаде), *сааукухшоуп* 'дорогой мой' (букв. 'да обойду я вокруг тебя'), *дад* 'сынок', 'сын мой' - оба при обращении старшего к младшему, *суззатәуп* 'дорогой мой' и т.д.

В застолье наиболее часто употребляются следующие междометия: *иа* - в сочетании, *иа, анцәа* 'о, боже', *уро-уро-уро*... ! *ура-ура-ура*а...,или *о-ҳо-ҳо-ҳо* - подбадривание при питье вина из ритона.[7]

Просодические особенности языка тостов. Темп речи при произнесении тоста несколько замедлен по сравнению с обычной разговорной речью. Интонация характеризуется понижением тона в конце каждой синтагмы, сопровождающимися и логическими ударением. Повторяемость таких периодов с эмфазой в конце каждой синтагмы создает своеобразный ритм тоста. Максимальной величины эмфаза достигает в самом конце тоста.

---

[7] Ритон – рог для винопития.

Время произнесения тоста строго не регламентировано однако в народе всегда ценилась лаконичность в сочетании с глубиной и меткостью высказывания. По отношению ко времени высказывания тоста у абхазов существует даже специальный термин *"аҽэамшьара"* букв. 'не убивать словом', заключающий в себе идею лаконичности и избегания монотонности и многословия при произнесении тоста. Нужно отметить, также, что считается неприличным младшему произносить тост дальше, чем старший.

Исключительное богатство материала требует более детального описания и анализа абхазского застольного этикета. Здесь мы лишь наметили некоторые возможные аспекты его изучения. Очевидно, необходимо дальнейшее исследование данного феномена как с точки зрения собственно лингвистики, так и семиотики.

Приложение

№ 1

Анцәа ду улԥха ҳаԥ 'Великий бог, благословение нам дай'
Иаҳзымдыруа ҳаԥоумԥан 'Незнание наше прости нам'
Иаҳԥоу ҳасасцәа шәныҳәаз 'Гости наши, будьте благословенны'
Ҳанеиқушәозаалак бзиала анцәа ҳаиқуиршәалаait 'Когда бы мы ни собирались, пусть бог нас для хорошего собирает'

№ 1 + № 2

Анцәа улыԥха ҳаԥ 'Господь, благосклонность нам дай'
Анцәа бзиара ҳзыӄаԥа 'господь, добро нам сделай'
Иахьа гурҧьара 'Сегодня радость имеющий'
Ичара нагзара ақузаait 'Да умножится его радость'
Енагь дгурҧьо дӄалаait 'Пусть он всегда радуется'
Иахьа аҷкуни азҧаби знасыԥ еилазԥаз 'Сегодня парень и девушка, свои судьбы соединившие'
Рызҳауа, рзыҧьуа 'Плодясь и развиваясь'
Рԥацәа, рыԥхацәа еилаҳҳоы 'Имели бы много сыновей и дочерей'
Аԥсынԥры ду рыманы 'Имели бы долголетие'
Амреи амзеи реиԥш еидажәло иӄалаait 'Как солнце и луна состарились бы вместе'

Ари иахьа агурҧьара змоу ҳидныҳәалап 'Того, кто сегодня радость имеет, поздравим'
Агурҧьара ҳақугурҧьап ҳәа иааиз ара иӄоу 'Те, здесь находящиеся, кто пришли делить с ним радость'
Енагь агурҧьарақуа рзы ишәҭахыу рҿы шәнеилаait 'Чтобы вы всегда по радостным случаям ходили бы к близким'
Шәыҳонаҭақуа енагь агурҧьара ыӄказаait 'Пусть в ваших домах всегда будет радость'

№ 4

Ихуҷи идуу ачара еиҿкааҳоык дамазароуп 'Маленькое ли, большое ли, застолье должно иметь распорядителя'
Ари ҳара ҳаишәагьы ҳаиҿызкаша азәы даҳҭароуп 'Этому нашему столу мы должны дать какого-то распорядителя'
Убри еиҿызкааша ҳәа сгу иаанаго анцәа диныҳәаait ' Да благословит бог того, кто, как мне кажется, сможет распорядиться этим столом'
Ачарақуа агурҧьарақуа рзы аҭолумбашьра ихьз рҳәо 'Чтобы имя его называли для радостей на свадьбах'
Уи аишәа заӄа еиҿикаази ҳәа инеиҭарҳәо апату иманы дӄалаait 'Пусть рассказывают о том, как хорошо он вел стол и да будет у него слава и почет'
Иахьа абра аишәа ҳазхатәоугьы ибзианы имҳаԥызго, иара дамшьо, изиржәо амшьо,
Игудибакыланы еимпо иӄалаait ' Пусть хорошо проведет он и этот наш стол, за которым мы сидим, и пусть он не опьянеет сам, и чтобы те, кого он будет поить, не опьянели и
чтобы разошлись, обнимаясь'
Зныҳәаҳәа ск'уа N иоуп, анцәа диныҳәаait ' Да благословит бог N , за кого мы пьем'
Абас ацәцақуа аақухны ҳҭамада дышәныҳәа ' Вот так поднимая бокалы, выпейте за здоровье тамады'

№ 5

Ажәлар анцәа иныҳәаait 'Да благословит бог народ'

Милаҭс иҟоу зегь ныҳәазааит `Пусть будут благословенны все народы`

Адуней аҟны аибашьра анцәа иҟоумҵан `Да не допустит бог войны на свете`

Ажәларқәа рыбжьара аиҩызара анцәа иныҳәааит `Да благословит бог дружбу между народами`

Амилаҭкуа рыбжьара аиҭыҵра анцәа иҟаумҵан `Не допусти, боже, вражды между нациями`

.Ауаа ҭынч икашьшьы анхарада даеа баапсык анцәа ирзаа-имгааит `Да не пошлет бог людям никаких бед, но лишь тихую, спокойную жизнь`

Ажәларқуа зегьы ныҳәазааит `Пусть будут благословенны все народы`

Ажәларқуа зегьы ахныҳәоу, ҳапсуа жәларгьы рыгуҭы иаланыҳәазааит `Вместе со всеми народами пусть и абхазский народ будет благословен`

Полный текст похоронного застолья

№ 24

Уҧсаҭа бзиахааит `Мир праху твоему`

Анарцә абзиара иҟоу уалхымзааит `Да не будешь ты обделен хорошим в потустороннем мире`

Уҧсаҭа ахьы хыршуа инеиааит `Пусть твоя душа попадет туда, где золото делят`

Уҧсаҭа шкуакуахааит `Да будет светлым место твоей души`

Ушьтахьҟа инхаз уқу, уцас аурада хьаа рмоуааит `Пусть оставшиеся сделают все, что положено для тебя сделать по обычаю и пусть они горя иного иметь не будут`

№ 25

Апстазаара иалҵыз N `Ушедший из жизни N`

Ишьтахьҟа инхаз `Те, кто остались после него`

Раб ианиҵаз аҟара ҩба-хпа ныртааит `Пусть проживут в два-три раза больше, чем прожил их отец`

*Раб иқу, иҵас аурада хьаа рымамк`уа иҟалааит* `Пусть сделают все, что положено сделать для их отца по обычаю и пусть горя иного иметь не будут`

№ 12

Абра хымш-пшьымш раахыс амаҵ зуаз, еиҿызкаауаз еилзыргоз агула-азла, ацуҭа иаиуоу анцәа иныҳәааит `Да будут благословенны те, кто нам здесь 3-4 дня прислуживал, наводил порядок и убирал, соседи и те, кто относится к этому поселку`

Ари еипш иҟоу азы амаҵура маҷны ирықушәо `Пусть им придется как можно реже прислуживать при таких событиях`

Агурҕарақуа ачарақуа рзы амаҵ руо иҟалааит `И обслуживать чаще свадьбы и другие радостные события

Иахьа апсра иақушәаз рымаҵ зуыз урҭ рыҩнаҭақуа реы агурҕьаразы ачаразы амаҵ руааит апшәмацәа `И те, кто сегодня потерял близкого и кого обслуживают они, пусть обслуживают их (соседей) по радостным поводам и свадьбам`

№ 23

Агуаҟцәа анцәа иныҳәааит `Да благословит бог страдальцев`

Аҧыңҵь еибашьра дузза иалахуыз `Тех, кто принимал участие в Великой Отечественной войне`

аибашьра ашьҭахь зыҩныҟа изыхнымҳәыз зыпсы ҭаны иҟоу анцәа иныҳәааит `И тех, кто оставшись в живых, не смог вернуться домой, да благословит бог`

Иҟалозар, ҳаҳәоит урҭ рыпсы ҭанаҵы `Если возможно, просим, чтобы`

рыпсадгьыл аҿы иаауа `если они живы, то, возвратятся на родину`

ртынхацәеи дареи еиқушәо `встретились бы со своими родными`

рыпстазаара анырпсахлакь рыбаҩ `если мертвы, то пусть их останки`

рыпсадгьыл иамадахаратәы иҟалааит `будут преданы родной земле`

Ус зыпсы ҭаны иҟоу ирзыпшуа `А если есть здесь кто-нибудь, кто`

абра итәоу азәыр шәыҟазар `ожидает живых, то пусть бог сделает так',
зыԥсы ҭаны иааyа шәрылахуны анцәа шәҟаиҵааит `чтобы встретились`

№ 26

Иахьа адунеи зыԥсахыз унарцә бзиахааит `Тот, кто ушел сегодня из этого мира, пусть будет благословен в том мире`
Уԥсаҭа шкуакуахааит `Да будет светлым место твоей души`
*Ушьҭахьҟа инхаз уқу уҵас аурада хьаа рымамк`уа иҟалааит* `Те, кто остались после тебя, пусть сделают все, что положено тебе по обычаю и другого иметь не будут`
Узлыҵыз аҭаацәа мшьҭыбзиала урылҵааит `Пусть в этой семье ты будешь последней утратой`
Егьырҭ абра зхы ацьабаа азырбаз иахьа нахыс абзиаразы шәныҟуалааит `Пусть остальные, кто здесь скорбит, с этого дня будут ходить только на добрые дела`

Марина Барцыц

Судьба в системе традиционного мировосприятия абхазов

Идея судьбы лежит в основе представления о жизни. Отношение к судьбе и жизни, восприятие и переживание смерти находят свое проявление в религиозных ритуалах, системе ценностных ориентаций, менталитете. А.Я.Гуревич отмечает: «Представления о судьбе принадлежат к наиболее коренным категориям культуры, они образуют глубинную основу имплицитной системы ценностей, которая определяет этос человеческих коллективов, сердцевину жизненного поведения принадлежащих к ним индивидов».[1]

Для абхазской этнокультурной традиции характерна вера в уже известную предрешенность будущего. Судьба неразрывно связана с актом рождения человека (*ицыршоит*), и жизненный путь (*ипсҭазаарамҵоа*) - это движение по пути судьбы с ее основными вехами - браком и смертью. Самой значительной точкой соприкосновения жизни и судьбы оказывается смерть, завершающая и обнаруживающая скрытое содержание судьбы. А до этого мы можем только гадать о судьбе и творить вместе с ней свою жизнь, восклицая обнаружив, уготованную участь: *"Иаҳԥеиԥшзеи! Ауама ззыҵәахыз ҳауми*!"[2].

Пытаясь исследовать концепцию судьбы в абхазской традиции, как и ожидалось, мы столкнулись с тем, что не существует единого всеобъемлющего понятия «судьба», подобно тому, как не было единого определенно сформулированного понятия жизни, смерти, времени. Традиционные представления абхазов о судьбе находят отражение в фольклорных сюжетах, в том числе, в героических преданиях, а также идиомах и других фразеологических единицах языка. Лексическое поле судьбы включает в себя: *алахьынҵа, аразҟы, анасыԥ, аԥьал, аԥеиԥш, ауахҭа, ақунага,*

ахуҭа; ақуашь-да и ахуаша(-бга) (как правило, содержащие отрицательную коннотацию) и т. д.

Подобно многим другим традициям, для абхазской - характерно представление о записанной на лбу каждого человека его судьбе. В абхазском языке судьба обозначается словом *алахьыңца* - буквально 'написаное на лбу' (ср. адыг. *инатэм итхэ*). Уже в этимологии слова заложена фаталистическая концепция судьбы с верой в предопределенность, свершение предписанного, предначертанного. На вопрос о том, правда ли есть запись на лбу, информатор сообщила нам следующее предание.

Однажды путник нашел на дороге человеческий череп, он поднял его и увидел на нем запись: "С тобой случится еще более худшее, чем все то, что было до этого" (Узыниаз ацкьыс еицәоу уақушәоит). Удивившись и желая узнать, что же еще может стрястись с черепом несчастного человека, принес его домой и спрятал в сундук. Прошло время, он женился. Однажды жена заглянула в сундук и обнаружила старый череп с надписью. Удивившись, зачем мужу хранить череп, решила, что это возможно череп его бывшей жены и бросила его в огонь. Когда муж вернулся, она с возмущением рассказала о своей находке. "И куда ты его дела?" - спросил муж. - Я бросила его в огонь. Оо! Вот в чем дело, что еще могло быть более худшим! От него остался только пепел! – воскликнул муж.[3]

"С каждым случается то, что написано у него на лбу", - говорят абхазы. Про умершего человека могут сказать буквально следующее: «Он прошел путь, который был написан у него на лбу, которым был наделен от Ашацэа». О человеке с плохой судьбой говорят: плохой лоб /*алахьыцәгьа*/, черный лоб (*алахьеиқуацәа* или *алахьышәашә, лахьыңцада* - лишенный записи вообще).

Дарование Судьбы. В религиозно-мифологическом представлении абхазов человек рождается без судьбы. "Человек при рождении подобен пустому стакану," - гласит абхазская пословица.[4] В роли вершителей судеб выступают персонифицированные духи судьбы Ашацэа-чапацэа (от глагола *ашара* в значении 'творить' и 'делить', 'наделять'). В ночь рождения, в других случаях через три недели, через год, и т.п., прилетают трое Ашацэа (ср. три сестры

Мойры – богини судьбы в греческой мифологии)[5]. В эту пророческую ночь Ашацэа наделяют человека судьбой с предопределением прежде всего смерти – рокового часа, роковой черты, называемой абхазами *аджал*. Тогда же и происходит определение жизненного пути, участи, ожидающей человека (*аҧеиҧш*), включающей в себя счастье или несчастье (*аразқы (–да), анасыҧ (–да)*), долю или недолю.

Между тем, необходимо помнить о другом существенном обстоятельстве - религиозные верования абхазов предполагают наличие Верховного божества, Высшей силы (*Еиҳазымчу*), которая и является Всеобщим Творцом (*Ҳазшаз*). Персонифицированные же духи судьбы Ашацэа являются его агенсами, наделяющими каждого индивидуальной судьбой.

Прежде чем перейдем непосредственно к вопросу о наделении судьбой агенсами Высшей силы в образе трех Ашацэа, остановимся на наречении именем, которое является действием того же ряда, что и творение ребенка, и наделение его судьбой.[6] По утверждению информаторов, раньше ребенка чаще всего нарекали именем, который давал ему гость (*асас ииҳәаз ихьзырцон*). Появление гостя считалось не случайным совпадением, в традиционном сознании его воспринимали как посланника, проводника воли Высших сил.[7] Если в доме был новорожденный, гость, зная о своем праве, спрашивал: "Есть ли имя у ребенка?". Если же ему отвечали, что еще не дали, он называл имя: "Пусть это будет его именем. Я даю ему это имя». (*Абрыи хьзыс имазааит, абрыи хьзыс исҭоит*).[8]

Как уже отмечалось выше, главные вехи судьбы - брак и смерть - оговорены Творцами в рождении. При этом, брак не просто как приведение жены (*аҧҳәысаагара*), а как вхождение в личную судьбу (*аразқы далалеит*), как получение своей доли счастья (*аразқы иоуп, инасыҧ имҧыхьашәеит*) и соединение двух судеб (*еинасыҧхеит*).

Одним из главных компонентов судьбы *а-разкы* или *а-насып* человек может быть обделен:

Насыԥда захьзуи, нан?	*Что такое насыпда (несчастный), нан?*
Хазшаз лылахь ианимцазеит	*Нас Сотворивший не написал ей на лбу.*
Ианым, Ашацәа иаԥырымцазеит.	*Нет записи, Ашацэа не начертали*
Ианым уара иузаԥцазом.[9]	*Того, что не записано, тебе не дано записать*

(Здесь и далее подстрочник наш -М.Б.)

По утверждению информаторов, это не зависит от личных качеств и достоинств. В этом смысле судьба очень часто оказывается несправедливой, оставаясь при этом непреложной. Активность человека ограничена только поиском своей /-го/ суженой /-го/. Ты сам не можешь принести себе *аразкы* наперекор предопределению (Анасыԥ ухала, мчыла иузаагазом), как не сможешь и избежать предназначенного судьбой жены /мужа/.

На вопрос о судьбе-счастье (а-*разкы, а-насыԥ*) абхазы старшего поколения приводят следующий широко распространенный сюжет.

Трое Ашацэа явились в ночь рождения девочки, сели на дерево (в другом случае на крышу, перекладину (ахаԥра) и т.п.) и стали совещаться, каким счастьем ее наделить. Свидетелем их разговора оказался вор, выжидавший удобного момента, чтобы увести коня. И решили Ашацэа: "У этого вора, который сидит и слышит нас, нет а-насып, пусть она будет его женой (динасыԥзаайт)". Когда Ашацэа улетели, вор разрезал живот новорожденной, бросил на крышу и ушел, уверенный, что убил девочку. Но она остается жива, со временем он женится на ней. На вопрос о шраме она рассказывает о случае в ночь рождения.

Информаторы завершают свой рассказ словами: "Нельзя ни избежать, ни изменить того, что для тебя сотворили Ашацэа" (*Ашацәа иузыршаз ԥсахра амазам, узацәцом*). Как мы могли убедиться, как и в случае с вором, так и в других фольклорных сюжетах, иногда человек мог долго оставаться не наделенным анасып. (*инасыԥ рымшазацызт*).

Несколько иначе обстоит дело с назначенной смертью. "Судьба - это прежде всего сужденная смерть.»[10] Абхазы говорят: "Человек однажды рожденный, однажды умрет" (*Зны ииуа, зны дыԥсуеит*) и судьбой он наделается смертной. Предопределенный способ смерти ограничивает действие индивидуальной судьбы в пространстве человеческой жизни. Абхазская пословица гласит: "Все рождаются одинаково, но способ смерти у всех разный".[11] По сообщениям информаторов, конец человека (*ацьал*), например, мог быть связан с тремя стихиями: водой, огнем и ветром. И каждого уносит из жизни только то, в чем его смерть (*Дызлаҳәоу дагоит, Дызлаҳәам дагазом*.[12] В подтверждение этой идее информаторы приводят распространенный сюжет о ребенке, которому было суждено умереть от дерева в результате несчастного случая. И как его ни оберегали, однажды он все-таки в спешке приставил ногу к дереву, чтобы завязать обувь, нога соскользнула, ударившись головой о ствол дерева, он тут же скончался.

В абхазском фольклоре распространенным является сюжет о фатальной магической связи жизни человека с определенным предметом. В мифическом предании Ашацэа связывают жизнь новорожденного с горящей в это время головней (*цьалхус имазааит*). Услышав это, мать ребенка тушит и прячет головню в сундук (ср. древнегреческая легенда о Мелеагре).[13] В другом варианте предания охотник сам прячет свою головню (*акуастԥа*) в дупле дерева. К сюжетам этого порядка относится предание об охотнике Баранзаа Абыгу.

Зная о том, что все белые звери (дичь) посвящены божеству Ажвейпшаа и неприкосновенный Баранзаа Абыгу тем не менее убил белого кабана. Разгневанный Ажвейпшаа проклял его: "Пусть твой род существует до тех пор, пока не кончится мясо убитой тобой дичи". Абыгу взял сердце и печень убитого кабана, надежно спрятал в дупле букового дерева, а мясо унес домой. Прошло сто, двести лет, он постарел и хочет умереть, но ничто его не берет. Тогда он попросил пойти к буковому дереву и принести то, что там лежит. Отварив сердце и печень в котле, по его распоряжению отвар

отдали собакам, которые скончались, вслед за ними умер и Абыгу.

В целом, Духи- пророки судьбы назначают человеку положенный ему предел жизни и способ смерти, но здесь в отличие от сужденного счастья возможно преодоление рока, оговоренного Ашацэа (см. об этом ниже).

Вернемся к семантике глагола *ашара*, означающего не только ‘творить’, ‘создать’, но и ‘делить’, ‘наделять’. Духи-пророки судьбы Ашацэа, определяя жизненный удел человека с вехами роковых событий, одновременно наделяют его и жизненной долей. Деление предполагает наличие некоего целого, из которого каждый получает свою часть (*ахуҭа*) жизненных благ. "Тот, кому мы даем эту долю счастья", - говорят Ашацэа (*Абрыи анасыԥху заҳҭо*)[14]. И даже о смертельном роке говорят *аджал-ху* – ‘доля рока’. Пока человек жив, у него есть своя звезда на небе – *иеҵәаху,* - буквально – ‘его доля звезды’. Страшным считается проклятие "да погаснет твой очаг", которое звучит как *умцаху ыцәааит* – ‘да погаснет твоя доля огня’. Более того, еще Н.Я Марр и Н.С. Джанашия обратили внимание на долевое понятие единого бога у абхазов, где как каждое явление природы, так и каждый род, семья или личность имеют свою долю бога. Абхазы говорят: *сы-нцәа-ху* (‘моя доля бога’), *у-нцәа-ху* (‘твоя доля бога’).[15]

Творец может наделить долей или недолей. *В одном из преданий человек, ищущий причину своих несчастий, после долгого путешествия оказывается на огромной поляне, где встречает косаря, не отвечающего на приветствие и вопросы. Вечером он идет за ним домой, где их ждет, изобилующий яствами. Помыв руки, они садятся ужинать. В это время (в другом варианте на рассвете) слышится со двора голос, зовущий хозяина: "Ты здесь? (Уҟоума?).*

Сегодня родилось сто человек и сто умерло. Какую долю дать родившимся?-

- Дай им такую же долю, какую мы имеем сегодня (Уаха хшыҟоу рыҭ! Уаха ҳшыҟоу!). На следующий вечер, после работы, путник надеется на такой же богатый ужин, но, помыв руки, обнаруживает, что на столе почти ничего нет,

а то, что есть - покрыто плесенью. Как и вчера опять кто-то зовет и спрашивает: "Сто родилось, сто умерло, какую долю дать тем, кто остался жить?". Хозяин опять отвечает: "Уаха ҳшыҟоу рыҭ!" (‘сегодняшнюю долю дай!’). Наконец хозяин объясняет путнику, что он родился в такую ночь, но теперь его дела пойдут лучше, потому что вчерашней ночью родился у него сын и через него вся семья получит благоденствие.[16]

Количество, объем жизненных благ связан со сроком, отпущенным веком (*изыԥцәоу аамҭа*). На отмеренный срок жизни отмеряется и жизненная доля, которую каждый человек должен прожить сполна. Этим объясняется особо трагичное восприятие смерти молодого человека (*ақурахьымза, агулымҵәах*). Умерев не "своей", случайной смертью, он не исчерпал отпущенной доли, не выполнил своего предназначения. Трагичность такой смерти подчеркивается словами: "Еще не пробился родник, из которого ему суждено было пить воду".

Тому же, кого Творцы наделяют долголетием, соответственно наделяют и большей долей, и наоборот:

Быҳшаз, быхуҭаҵы иҭоит.	Тебя сотворивший и долю твою творит.
Зыҵыкус рҟьаены зыхуҭаҵы	С малым сроком – малой долей наделяется
Рҟьаены изаҳа дыҟами	Большому возрасту и доля большая
Зыкура дуны ркурҵо ыҟоуп	Малому возрасту такая же малая доля
Зыкура мачны - икура змачуеы	
Еиԥш ихуҵы ус иҭоуп".[17]	

Этим объясняется запрет на поминки по тем, кому еще не исполнилось одного года (иногда и более), поскольку их доля еще оставалась у Ашацэа (вообще могло и не быть назначенной доли).

Ашацәа роуп дызша, урҭ дыргоит.	Ашацэа (Творцы) его сотворили, они же его и забрали
Иара ихуҭа уа Ҳазшаз иҟны иҟоуп.	Его доля там, у Сотворившего (нас) находится.
Ихуҵны исабины ииуа рху уа иҟоуп, иушар ҟалазом, ацәымзақуа ауркыр ҟалазом, ашьҭәақуа ушьыр.	Те, кто уходит младенцами, их доля там. Нельзя (тебе) наделять его: свечи зажигать нельзя делать жертвопри-

Аныи ихьыԥшу абеиго асаби рыцха. (избанзар иара иху чанахк азна ауԥ изишаз}.[18]

ношения. Куда их (овец, быков) денет несчастный ребенок, (поскольку выделенная ему доля умещалась на одной тарелке).

Это касается тех, кто считается, что вообще еще не жил и соответственно не был наделен долей. Во всех остальных случаях Творцы наделяют жизненной долей, а в обязанности человека входит забота о наделении его посмертной долей, с окончанием жизненного пути, при переходе в иной мир. Родственники покойного должны устроить поминки (*апсхуура,аиныхра*), после чего чувствует себя выполнившими долг перед умершим (*Ихуԥа, икунага каҳдит*)

В целом доля, как и судьба, индивидуальна, об этом свидетельствует и следующая полевая информация. У абхазов есть представление об "Аициира" (одновременное рождение или сорождение). В одно время с младенцем может родиться другой ребенок или какое-либо другое существо, например: щенок, котенок, змея, мышь и т.п. Это может помешать ему: он становится хилым, болезненным (*дхумцәы-хумзха*), плохо растет и т.д. В абхазской ритуально-магической практике есть множество способов преодоления *аициира*.[19] Как мы видим, представляется опасным, когда жизненную долю, жизненные силы человека приходится делить с другими одновременно родившимися существами.

Способы обнаружения судьбы. Во все времена сохраняется значимость для человека знания об ожидающем его будущем. Абхазская мифологическая традиция предполагает, что в стародавние времена человек рождался со знанием судьбы (своего *алахьынԥа*) в частности знал, когда умрет. Предречения Ашацэа слышали и матери, которым, однако, тяжело было знание судьбы своих детей (*Нас исааиуаз анацәа ирзымчҳо ианалага,нас иаԥуцт рҳит*).[20] Со временем Бог лишил человека возможности ведать о своем будущем, в том числе и об уготованном конце (распространенный сюжет о человеке, делавшем забор).Теперь абхазы говорят: "Уготованое (*аԥеиԥш*) близко, а надежда далеко".[21]

Таким образом, знание о судьбе и будущей жизни человеком уже утеряно. Более того, по некоторым фольклорным сюжетам зна-

пие о судьбе должно быть сокрыто. (Один из Ашацэа оговаривает наказание тому, кто, услышав их прорицание, откроет кому-либо). Но сокрытость судьбы заставляет людей искать способы получения запретного знания, которое помогло бы им избрать нужный путь и облегчить ожидающую участь.

Многими исследователями отмечена тесная связь представлений о судьбе с мантикой. Конечно же, знание о предуготованном будущем в первую очередь было прерогативой особого слоя людей, являвшихся посредниками между этим миром и Верховными божествами. В абхазской традиции - это *адырҩы* (букв. знающий, ведающий), и *ацаарҩы* (‘спрашивающий’, ‘вопрошающий’)- люди, получающие информацию часто в состоянии так называемого "измененного состояния психики". К этой категории относились также *аԥшҩы* - (букв.‘смотрящий’) - люди, гадающие на бобах, на картах, по лопатке крупного и мелкого рогатого скота и т.п. К ним обращались для установления причинно-следственных связей (несчастий, болезней), пытаясь узнать о прошлых событиях, влияющих на будущее, получить о них информацию и по возможности исправить ошибки, задобрить и откорректировать дальнейшую судьбу.

В то же время, получение информации о будущем было возможно и без профессионального посредника. Наибольшее число гаданий приходилось в ночь на Успение Богоматери (Нанҳәа): девичье гадание «Адзархума»[22]; «Адзырюра» – слушание на перекрестке дорог в полночь; разжигание костра (могли увидеть тень того, кому суждено было в этом году умереть); гадая о болезни и смерти, вешали ремни и пояса на веревку на ночь. Было широко распространено девичье гадание о счастье с солеными хлебцами на перекрестке «Ан(л)ымирах» и т.п.

Человек иногда сам может войти в общение с судьбой. Судьба может подавать ему знаки, обозначающие сокрытое. Нужно быть более чутким к проявлениям судьбы. Человеку может даваться *пред*-чувствие событий судьбы, и если эти ощущения и знаки многократно проверены, то он приближается к *пред*-знанию. Знание надвигающегося события, данное в предощущениях (*ацәаныррала*), абхазы называют *Анашана* ("*лынашана илнарбеит*",

"*сынашана иснаҭеит*"). Анашана может быть связано и с вещими снами, с их проверенными символами. Как и во многих этнических культурных традициях, абхазы относятся к сновидениям как к особому состоянию, где часто возможно получение информации, в том числе и от уже умерших людей. А потусторонний мир- это "завершенный мир" (*иназоу*), в отличие от нашего иллюзорного мира. Это мир знания истины. Абхазы говорят: "Они находятся в мире, где говорят истину" (*ацаҳәарҭаҿ иҟоуп*), где открыто знание будущего, в том числе и наших судеб (ср. китайское представление о книгах судеб, хранящихся в загробном мире).

У абхазов есть также понятие об *алаԥықушәа* - проверенная примета, связанная с тиком на лице, знак - предощущение.

Знание о близком конце может быть дано по определенным явлениям окружающего мира, поведению животных (собаки, филина и т.п.) и даже по изменившемуся поведению самого человека (*ак шиԥеиԥшу идыруазшәа*, "*иацьал ааима*?!"). Абхазы говорят: "У человека, к которому близок смертный час (*ацьал*) меняется поведение, характер", "В семье, которую ожидает беда, начинаются склоки".[23]

Приметами же рождения человека со счастливой судьбой (*амыш*) считаются: рождение в "шапочке" (высушивается и прячется), в рубашке; легкие роды, правильное расположение в утробе и при родах, также характерно и то, что его легко воспитывать.[24] Судьба, например, хорошая, может быть явной или скрытой. Счастливчик - *амыш*, приносит счастье (*амышра*) не только себе и семье. Его могут узнать сразу, но часто об этом может догадаться только знающий человек со стороны (*адырқоы*, *апшӡоы*), поскольку внешне он спокойный и даже производит впечатление лентяя. Удивительно, в фольклоре часто Ашацэа наделяют счастливой судьбой ленивого. Он ведет себя в детстве как лентяй. ("Работяга и так выживет и другого прокормит, а этому надо дать счастливую судьбу и семейное счастье"). Такой человек приносит *амышра* - удачу, неиссякаемость добра (*бэрэкэт*) своей семье и близким. Если могли, его выделяли с раннего детства, к нему более внимательны и по-другому относятся. Считается, что у него 'счастливая нога', 'счастливая рука'. Абхаз может полушутя сказать в семье: "Я

ли вам как доля счастья, вы не понимаете" (*Смышхуны сшәымоуп, ишәыздырзом*). Амышра может быть не только у человека, но и у отдельного животного, которое старались не продавать.[25]

По жребию узнавали об избраннике судьбы в семье на год. Это был человек, которому попадался хлебец, начиненный ореховой палочкой (*ахуажәцәы*), во время весеннего ритуального моления "Ахуажэкыра". Тот, кому выпал жребий считался *амыш* для семьи в году (избран провидением), если же ритуальный хлебец попадался чужому, счастье в том голу уходило из семьи.

Итак, по представлениям абхазов, встречаются, с одной стороны, человек - *амыш* с высокой степенью удачливости, благополучия и везения, с другой – человек - *амыжда*, отличающийся особым невезением. *Амыжде* всю жизнь на роду написано трудиться и мучаться, не ведая счастья, ему не суждено пользоваться плодами своего труда, они ему не принадлежат. Богатством же, накопленным *амыжда,* суждено пользоваться тому, кому дано счастье. ("*Мыжда дырҳаԥоуп, мыш дчаԥоуп*").

Изменение судьбы. Понимание судьбы как рока не означает невозможности его изменения.

Предначертанная судьба реализуется человеком, причем его роль значительна. Он может корректировать свою судьбу, пытаясь влиять на нее активно. "Активность (*аеышәара*) - половина счастья" - говорят абхазы. То есть судьба зависит как от Высших сил, так и от ее носителя. Очень важно знание судьбы. Стремлением к благополучному проживанию жизни в согласии и соответствии с судьбой объясняется и внимание к проявлениям знаков судьбы, поскольку идеальным считается согласованность поступков с предначертанным. ("*Унасыԥ уцныӷуозароуп*" – 'идти в ногу с судьбой').

Если *аразӷы* - сужденное счастье, не допускает изменений или отклонений, то *аджал* - рок по предопределению Творцов допускает преодоления себя. И здесь заложена проблема соотношения судьбы, случайности, свободы воли и предопределения.

В ночь пророчества *Ашацэа* каждый по отдельности оговаривает три варианта возможной смерти. Считается, что если человек три раза сможет преодолеть свою роковую черту (*ицьал дза-*

хыԥар) (это очень сложно, а в третий раз - почти невозможно), тогда его жизнь станет долгой. Некоторые информаторы подчеркивают, что в тот момент, когда человек приближается к роковой черте, которая предопределена ему от *Ашаҵэа*, они находятся рядом и добавляют (*иацырҵоит*) срок жизни.

Аҵьал ада агъырҭ акымзарак
Хырԥашьа рымазам.
Аҵьал хынтә Ҳазшаз ииҭоит
Ауаҩтәыкоса адунеи икуу.
Иара икуҳарала, идыррала,
Иара ибаҩ илоу ала ихы
изахырԥозар хынтә азин ииҭит,
имоуп.[26]

Кроме аджал все остальное
Не допускает своего преодоления.
Аджал три раза Сотворивший (нас)
дает человечеству на Земле
Он же (человек) своим умом, своими способностями, если сможет преодолеть, ему три раза дается такая возможность.

Таким образом, жизненный путь человека с намеченными вехами складывается из *со*-творчества, *со*-трудничества человека с судьбой, где особую роль играет случай - благоприятное стечение обстоятельств или же несчастный случай. Даже предначертанное судьбой счастье, по абхазскому выражению, буквально попадается в руки и нужно его не упустить (*инасыԥ имԥыхьашәеит*), везение обозначается словосочетанием *иразкы иакит* ('судьбой поймано'). Чтобы обойти *аҵьал* (роковую черту) человек должен воспользоваться случаем, стечением обстоятельств, быть сильным и мужественным ("Храбрость - *агумшәара*) – половина счастья, "испугавшийся потерял счастье").[27]

Случай, необъяснимый и могущественный, зачастую приводящий к трагическому концу, занимает особое место в традиционном миропонимании абхазов. Надо постоянно быть бдительным и собранным. Опасно вмешательство случая в ход жизни, считается, что человек может умереть, погибнуть случайно, не своей смертью и не в свой срок (*ҵьалда дҭахеит*).

Каждый выход со двора сопровождается (по крайней мере должен сопровождаться) просьбой о ниспослании благословения случая (несчастного случая – *амашәыр*) - "*Амашәыр алԥха ҳаҭ!*" Для человека неудачливого, с которым часто случаются несчастья

устраивают моление "*Амашәырныҳәа*", молятся со свечой и приношением жертвы.[28]

Как уже говорилось выше, человек, не наделенный счастьем может получить его в семье через другого члена семьи - счастливого от рождения сына, жену (*мыш змоу аԥҳәыс*). Этим объясняется благопожелание при соболезновании на похоронах семье покойного "Его *амышра* пусть останется вам!". При стечении неблагоприятных обстоятельств, несчастного случая (*амашәыр*) человек может оказаться 'под крылом *анасып*' собственного ребенка. Человек может оказаться 'под крылом', (*иразкы дацанакит*) покровительством хорошей судьбы просто чужого человека, встречного. Как отмечает информатор, тот мог просто коснувшись, невзначай взять под крыло собственной счастливой судьбы и тем самым сберечь от ожидавшего в этот день несчастья (*Данцоз разкы бзиа инапы ихьишьт. Убрыи иразкала даанхазаргьы калоит*).[29].

Ҳ-оык шәеицуп. Шәразккуа акы акузам.
Ма разкы бзиак азәы илоуп, ма лахьынца бзиак ари илымоуп, ма ма гуамчк имазар калоит,
мамзар игуамч лакузар калоит.
Шәа шәразкала иара дныкуозар (шәа дшәыхьчеит ҳәа инхьазоуп),
ма иара шәихьчазар калоит.[30]

Вы идете втроем. Ваши судьбы разные.
Или хорошее аразкы у кого-то
Или хорошее алахьынца у этой или другая сила (букв.сердечная сила) может быть,а может и низкая сила (у третьего).
Он может ходить (под) вашей судьбой (считается, что вы его сберегли), может стать, что и он ваш хранитель.

В представлениях абхазов предначертанная судьба может быть испорчена еще в детстве, извне (*Ашацәа дыршеит, аха абжьыхцәа /агызмалкуа/ дыбжьырхыр калоит*). Человек с дурным глазом может сжечь судьбу младенца, 'его судьба считается сожженной - его судьба сгорела'/.[31] Отсюда и многочисленные обереги для детей.

Попыткой обмануть судьбу, увести от нее ребенка, могут объясняться следующие традиционные магические обряды абхазов В случае, когда не выживали новорожденные (*ан лхуҷы*

длыцамгыло даналага), следующего новорожденного буквально выкрадывали (*дгьычны длыцыргон*), не дав матери ни увидеть ребенка, ни услышать его голоса, и воспитывали на стороне. После этого считалось, что следующие дети будут жить. Имитацией и действием того же порядка являются распространенные магические обряды 'купли-продажи'. Инал-ипа Ш.Д. приводит предание об отце Баракуа Квициния, которого при подобных обстоятельствах отдали на воспитание в Карачай. При этом "вырыли землю под дверью и таким образом провели ребенка из-под порога".[32] В абхазском нартском эпосе, чтобы сохранить детей Сасрыква, сужденным погибнуть от рук отца, мать отдает на воспитание в отдаленные края.[33] Видимо, одной из функций широко распространенного на Кавказе аталычества, игравшего значительную роль в социализации личности, являлась так же и функция оберега. Ребенка, временно оторвав в опасном младенческом возрасте от возможной роковой судьбы родителей, (предков) возвращали в отрочестве, когда он сам уже мог влиять на свою жизнь и судьбу.

Абхазская традиция предполагает, что человек может и должен стремиться, своими действиями, притягивать благоприятную судьбу, стараясь не нарушать миропорядка, соблюдая запреты в сакральном пространстве и времени, выполняя ритуалы и обряды, множество магических действий, обеспечивающих успех и счастье. Для абхазской речевой культуры характерны частые благопожелания друг другу, где и слово благодарности, как правило, передается в форме благопожелания.

Кроме того, абхазы уверяют, что людям иногда выпадает счастливая возможность влияния на свою будущую судьбу и даже судьбу всего рода, оказавшись свидетелем особого состояния природы. Для этого достаточно, например, увидев 'спящую воду (речку) /*Азы шыцәаз избаз*/ или 'окрытые врата неба' /*жәангуашәԥхьара збаз*/, успеть произнести в тот миг короткое заклинание, которое исполняется /*рҽаҳәатәы назон*/.

Изменение судьбы может быть связано и с проклятиями. Необходимо остановиться на предполагаемой абхазской традицией вере в неотвратимость исполнения проклятия.

До сих пор мы говорили об индивидуальной судьбе дарованной, предначертанной одному человеку. Выполняя свою индивидуальную программу жизни, человек остается частью целого (да и доля ему, как отмечалось, выделяется из общего). Традиционный абхаз остается частью, например, семьи, рода, фамилии, народа, а значит делит с ними хорошую или плохую судьбу. По сообщениям информаторов, счастье сына (*амыш*) может умаляться наличием, как недостойного отца, так и принадлежностью, например, к провинившемуся, проклятому роду, поскольку на его жизнь может прийтись расплата за грехи предков (до четвертого, седьмого колена).

Итак, на судьбу человека или рода может быть оказано активное вмешательство извне. Имеются в виду заклятия, проклятия, как специалиста мага, так и обычного сородича, проклявшего его за прегрешения. Особенно большую силу имеют проклятия, произнесенные перед могущественными кузнями, святилищами (Аныха): Дыдрыпшь, Лдзаа, Елыр и т.п. Как известно, при этом большому риску подвергает себя (а соответственно и свое потомство) и тот, кто проклинает, представ перед могущественной силой, которая даже при его правоте, в определенных случаях может бумерангом настичь его самого. Но в данном случае можно узнать об условиях проклятия и снять

По-видимому, этому же посвящено моление, когда один раз в год или в три года, летом семья или род проводит жертвоприношение и отмаливается у "*Иаҳзымдыркуа ҳаздырыз*" - буквально 'Нами неузнанный, узнавший нас'). Отмаливались от преследовавших святынь, неведомых за давностью лет, (каких именно?) а также от проклятий и заклятий.

Таким образом, с одной стороны как наличествовал активный агент, перестраивающий, влияющий на судьбу, например маг (сглаз, порча т.п.) или проклятие сородичей и преследование святынь, с другой стороны, возможно было такое же активное действие, снимавшее это вмешательство.

И в завершение необходимо остановиться на аспекте судьбы-времени.

Судьба и время взаимосвязанные категории традиционной культуры. Соотношение судьбы и времени не исчерпывается отмеренным сроком жизни (*изыԥцәоу аамԥа, изшоу аԥсыԥцры*).

Все события жизни происходят во временном пространстве, и, например, момент перехода ребенка в фазу жизни оказывается значимым и влияющим на его судьбу (время года, суток, фаза луны и т. п.). Временем рождения может предопределяться характер ребенка - считалось, что тот, кто родился в среду или пятницу будет вспыльчивым, гневливым и вообще с тяжелым характером, *дхашахуашашәа,* говорили о таком ребенке.[34]

Свершение судьбы невозможно вне времени. И время в свою очередь может быть судьбой, но судьбой не индивидуальной, а общей. Жизнь и судьба многих приходится на определенный отрезок времени, который мог быть благополучным, добрым или тяжелым, т.е. человек разделяет со всеми общую временную долю. В абхазской ритуально-обрядовой практике есть моление "*Аамԥаху*" (букв. доля времени).

Жизненные события накладываются на временную ось. И человек должен изжить как события жизни, так и время, и срок своей жизни (об умершем в преклонном возрасте - "*икура иԥахьан*"- (изжил (букв.съел) свой век). При этом не мы движемся сквозь время, а время с содержащимися в ней событиями приближается к нам (*иҿҳәара, иаамԥа аait, иаԥьал аait, - изааигуахеит, - иааидгылт...*).

В абхазской традиционной культуре время воспринимается как конкретная пространственная длительность, внутри которого находится и сам человек; например, настоящее время может определяться выражением *аамԥа ҳазԥагылоу* (Искандеровское "время, в котором мы стоим"), *ҳазԥоу ашыԥус* (год, в котором мы стоим), 100 *шыԥуса дшыртагылаз иԥстазаара далцит* и т.п. И вырваться из времени равнозначно уходу от событий.[35]

Как и о пройденном жизненном пути, говорить о судьбе возможно только в ретроспективе, с ее завершением. И здесь выявляются соотношение и роль предопределения, человека, реализовавшего судьбу, и роль слепого, но часто судьбоносного случая.

Были предопределены вехи судьбы, но ход событий не предопределен изначально, есть различные возможности развития событий, на которые влиял выбор поступка. Но свобода воли и активность ведут к росту ответственности за поступки и проступки (*Аԥунаҳа хара уашьԥзом*). В традиционном представлении человек несет ответственность за посмертную судьбу (как свою, так и потомства). Для религиозных представлений абхазов характерна также идея возмездия и вознаграждения на том свете, в том числе и во время опасного и трудного перехода в иной мир (о добром деянии говорят: -*зык урнагап*! – 'переведет через реку').

Знание о судьбе (как правило, неполное) помогает согласовывать свои действия с ней, а при необходимости и принять ее вызов. При этом знание о своей смерти не ощущается как трагедия. Рыцарский этос*, характерный для традиционной воинской культуры абхазов был неразрывно связан с мифологическим фатализмом. Это был не пассивный фатализм, а фатализм, предполагающий активность и инициативность, поиск способа преодоления скоротечной жизни с помощью славного имени (*ахьыз*), переживающего ее. Не уклоняясь от судьбы, преодолевать роковое стечение обстоятельств и быть готовым принять достойную смерть (желательно на поле брани, не в постели)[36]. Поскольку по традиционному этосу абхазов, только такая смерть могла быть достойным завершением жизни, заполненной славными деяниями, и таким образом можно было творить собственное бессмертие.

Влияя на мотивацию поступка, понятие судьбы и в сегодняшнее историческое время продолжает сохранять значимость в смысловом пространстве абхазской культуры.

Примечания:

[1] Гуревич А.Я. Диалектика судьбы у германцев и древних скандинавов. //Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. С.148.

[2] Информатор: Кьахьыр-пха /Халбад/ Вера, 1928 г.р., с.Приморское

[3] Информатор: Гармания-пха /Цнариа/ Бабуца, 1908 г.р., с. Кутол.

[4] Абхазские пословицы. Составитель Х.С.Бгажба., Сухуми. 1983. / на абх.яз./, С.41.

[5] Мифы народов мира. М., 1982. Т.II, С.169.

* Этос – стиль жизни общественной группы, принятая в ней иерархия ценностей, которая либо выражены в явном виде (explicite) либо может быть выведена из поведения людей. См. Оссовская М. Рыцарь и буржуа. М. 1987. С. 26.

[6]«Ничто не существует, пока оно не названо по имени и пока ему не определена судьба» // Клочков И.С., Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М., 1983. С.35.

[7] Интересны в этой связи выводы Я.В.Чеснова о связи гостя и жизни ребенка. «Но дети – жизнь, продолженная в будущее, а гость приносит атрибут прошлой жизни, жизнь предков, которая не кончилась с их смертью, но продолжается в виде потенций жизни.» // Полевые исследования. Новая серия. Т.I. Вып.1. 1993. С.130.

[8]Информатор: Цкуа-пха \Барцыц\ Венера, 1926 г.р., с. Блабурхва.

[9] Информатор: Ардзин-пха Наташа, 1928 г.р., г. Гудаута

[10] Горан В.П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск. 1990. С.192.

[11] Абхазские пословицы ... С.40.

[12] Информатор: Кьахьыр-пха /Халбад/ Вера ...

[13] Мифы народов мира. 1980, Т.I, С.616.

[14] См. Шинкуба Б.В. Золотые россыпи. Сухуми. 1990. С.269. /на абх. яз./

[15] Джанашия Н.С., Статьи по этнографии абхазов. 1960. С.22.

[16] Информаторы: Аргун Мышьа Щаханович , 1890 г.р., г. Ткварчал,
Цкуа-пха /Барцыц/ Венера , 1926 г.р., с. Блабурхва.

[17]Информатор: Агр-пха /Хагуш/ Ира, 1938 г.р., с. Хуап.

[18] Информатор: Агр-пха /Хагуш/ Ира…

[19] Информаторы: Жьи-пха /Барцыц/ Шамониа, 1913 г.р., с. Блабурхва,
Гун-пха /Мушба/ Ардучка, 1929 г.р., г. Гудаута

[20] Информатор: Жьи-пха /Барцыц/ Шамониа ...

[21] Информатор: Жьи-пха /Барцыц/ Шамониа ...

[22] Неиссякаемый родник. Народные предания. Составил К.С. Шакрыл. Сухуми. 1989. С. 60 - 61. /на абх. яз./

[23] Абхазские пословицы ... С.60.

[24] См. Дбар С.А. Обычаи и обряды абхазов, связанные с рождением и воспитанием детей /II-пол. XIX -н.XXв/, дисс.кан.ист.н., М.,1985. С. 53-54.

[25] Ср. Чурсин Г.Ф. Легенды о животных, заключающих в себе счастье семьи. //Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми. 1956.

[26] Информатор: Ардзын-пха Наташа ...

[27] Крупицы золота. Пословицы и поговорки. Сухуми, 1985. С.

[28] Информатор: Осиа-пха /Шларба/ Гушьқа, 1908 г.р., с.Джгерда.

[29] Информатор: Агр-пха /Хагуш\ Ира ...

[30] Она же.

[31] Она же.

[32] Инал-ипа Ш.Д. Воспитание ребенка по обычаю аталычества у абхазов. Труды АБИЯЛИ. XXУI. Сухуми. 1955. С.178.

[33] См. Нарт Сасрыква и его 99 братьев. Сухуми. 1962. С.301-307.

[34] Информаторы: Цкуа-пха /Барцыц/ Венера ...
Джинджал-пха /Куцниа/ Иата, 1915 г.р., с.Атара.

[35] Куцниа Г.С. Заговор любви. Сухуми. 1995.

Уааи ҽааны ҳҭаныҟуап,
Ара сынтәаз макьана
Ҽаан ҽакала иҟоуп
Ҽаан ԥшзаны иҳазныҟуап.

[36] Ср.Гуревич А.Г. Указ.соч. С.155.

Сима Дбар

Предродовые запреты у абхазов

Вся жизнь человека состоит из сплошного ряда запретных и не запретных моментов. Разнообразие комбинаций из данных моментов и составляют специфику быта каждого конкретного народа и выделяют его из среды остальной массы. Осознание своей самобытности основывается именно на выделении отдельных конкретных элементов оппозиции запрещено - разрешено, являющейся в свою очередь частью общей системы культуры.

Найдя ключ к системе запретов и регламентации поведения, этнография сумеет на её основе обобщить и разграничить по новой системе тот огромный практический материал, который накоплен на сегодняшний день.

Система запретов, входящая в общую систему взаимоотношений в обществе как один из важнейших элементов, не является однородной. Мы различаем здесь следующие разновидности запретов:

строгий, категорический запрет;
ограниченный, локальный запрет;
рекомендуемый, желательный запрет и т.д.

Степень строгости запрета находится в прямой зависимости от вероятности предполагаемого вреда, который может принести его нарушение, как морального (духовного); так физического и материального. С другой стороны, соотношение строгость - ограниченность запрета находится в зависимости от того, принесёт ли данное действие (или бездействие) предполагаемый ущерб обществу, другому лицу или только самому субъекту действия (или бездействия). Рассмотрим, например, рекомендуемый, желательный запрет «нельзя показывать зубы радуге». В случае если покажешь, они почернеют. Здесь субъект сам волен в выборе своего действия, ибо результаты действия относятся лишь к нему. А такой запрет, как «нельзя убивать лягушку», что по поверьям приводит к дождю, может действовать в ущерб всему обществу. Хотя здесь и

предполагается действие, которое может навредить обществу, но в силу того, что сам факт выпадения осадков не такая уж большая беда, данный запрет относится к ограниченному, локальному запрету.

Следует отметить, что в связи с динамикой развития современного абхазского общества, в особенности его «европеизации», изменения элементов оппозиции запрещено - разрешено идёт очень быстрыми темпами. Частота подобных изменений находится в прямой зависимости от типа общественного развития, что в свою очередь находится в зависимости от господствующей в обществе модели организации. В феодальной Абхазии, с ее общинным устройством, темпы изменения обычаев и традиций были значительно ниже. Относительно слабые связи с другими культурами, сравнительно небольшой поток информации приводили к тому, что развитие шло в основном за счёт внутренних ресурсов культуры. В соответствии с медленным развитием феодального общества постепенно шло и удовлетворение его необходимыми элементами ценностных ориентаций.

Система запретов как элемент регламентации поведения человека в обществе служила и служит не только цели организации взаимоотношений в обществе, удобств отдельного его члена, в том числе и его защите, но выполняла и целый ряд иных функций. В частности, ниже на примере детского цикла мы рассмотрим, как данная система регламентации служила для обеспечения благополучного исхода родов, и предопределяла физическую и умственную полноценность будущего ребёнка.

В прошлом абхазки старательно пытались скрыть беременность от старших по возрасту, особенно от свекрови, старших братьев мужа. О появлении первых признаков беременности молодая сообщала родственникам мужа через младших членов семьи или через одну из невесток - сверстниц. С появлением видимых признаков беременности поведение женщины начинало регламентироваться множеством ограничений. Она должна была вести себя более скрытно, реже бывать на виду у старших, а в последние месяцы беременности не появляться и в общественных местах. Изменение в физиологическом состоянии женщины отражалось и на её

одежде. Она должна была носить широкую одежду, обеспечивающую удобство и свободу в движениях; поверх платья носить свободно повязанный фартук. Данные одеяния служили не только удобству самой женщины но и сокрытию факта беременности.

Определённая часть запретов налагалась и на людей окружающих беременную. Прежде всего ограничения распространялось на речевое поведение заинтересованных лиц. Запрещалось употреблять слова, отражавшие состояние беременности. Существует несколько иносказательных выражений, определяющих состояние беременности. Это такие эвфемизмы, как: лцәа лтәым - букв., плоть не её , лыбаю лтәым - букв., кость не её, дхьаԥоуп - тяжёлая, ддууп - большая и т.д. Употребление этих иносказаний, как и ограничения в поведении беременной женщины, помимо чисто практического значения, выполняли функцию оберегов - магических приёмов охраны здоровья будущей матери и ее ребёнка от сглаза и злых духов. К беременным женщинам всегда относились с большим уважением, вниманием, заботой. Ей ни в чём не отказывали, и старались беречь её от физических нагрузок и душевных потрясений. В частности, она могла реже ходить на похороны, особенно в последние месяцы беременности. Это делалось не только во избежание нервного напряжения, но и из-за распространённого поверья об ослабленном состоянии женщины с момента беременности по отношению к сглазу (сглаз души умершего (аԥсылаԥш) считается наиболее сильным). Перед самым выносом тела покойника беременную уводили, при этом ей не разрешалось оглядываться. По поверьям женщину, видевшую лицо покойника, ожидают трудные роды, а родившийся ребёнок будет бледным. Кроме того, не полагалось оставлять беременную женщину на ночь одну в доме. Ей запрещалось отзываться, откликаться на зов; выходить из дома на лай собаки, особенно в ночное время, так как это могло вызвать испуг. Женщине, ждавшей ребёнка, нельзя было переступать через верёвку и накидывать на шею нитку во время шитья, чтобы ребёнок при родах не запутался в пуповине. Запрещалось смотреть и на кровь, считалось, что выросший ребёнок станет кровожадным.

В ряде запретов, которыми должна была руководствоваться беременная, явственно прослеживаются следы предохранительной

магии. В частности, ей запрещалось проходить между двумя надочажными цепями, ходить на кладбище, выходить со двора после захода солнца, садиться на камень, пустое корыто или сундук, раздувать огонь.

В период беременности женщине категорический запрещалось потрошить домашнюю птицу, что, как предполагается, приводит к образованию родимых пятен на теле ребёнка

Во время беременности жены ограничивалось и поведение её мужа. Последнему запрещалось в этот период ходить на охоту. В случае же если муж пошёл на охоту, то дома не называли его по имени и делали вид, что не знают, где он находится. Успех охоты, согласно поверьям абхазов, зависит не только от поведения самого охотника, но и от состояния здоровья оставшихся дома членов семьи. Неудачный результат охоты напрямую увязывается с состоянием беременной жены охотника. Кроме самой охоты, мужу запрещалось убивать змею, резать птиц или животных[1]. Кроме того, "будущий отец не имел права входить в число соприсяжников, давать клятву на священном месте, ибо считалось, что даже случайно произнесённая клятва может вызвать преждевременные роды"[2]

Последние месяцы беременности сопровождались также выполнением ряда запретов, игнорирование которых могло привести к преждевременным родам. Так, например, при выполнении таких работ, как развешивание белья, сбор урожая, запрещалось становиться на носки, напрягаться, поднимать руки вверх. По тем же соображениям беременной не рекомендовалось садиться на корточки.

Абхазы придавали большое значение питанию беременной женщины. Характер питания определялся различными пищевыми запретами, которые распространялись на целый ряд продуктов. Нельзя было есть простоквашу (ахарцәы), козлятину, в частности варёные ножки козлёнка, мясо домашних животных, задранных волком, мясо зайца, рыбу, мёд, орехи, дикие груши (ақәыԥсҳа), алкогольные напитки. Употребление вышеперечисленных продуктов предполагает, по поверьям, отрицательное влияние на умственное

[1] Акаба Л.Х. У истоков религии абхазов. Сухуми: Алашара,1979,с.43.
[2] Смирнова Л.Х. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (XIX- XX вв.), КЭС, т.I, М.. 1955, с.133.

физическое развитие будущего ребёнка. Так, считалось, если женщина в период беременности будет потреблять много простокваши, то ребёнок становился слишком бледный; если козлятину - то во время сна глаза у ребёнка будут приоткрыты; если - ела ножки козлёнка, то ноги ребёнка при ходьбе будут похрустывать в коленках: если съела мясо животного задранного волком, то ребёнок, повзрослев, будет сильно храпеть во сне . Женщине, случайно съевшей такое мясо, давали выпить стакан воды, пропущенный через высушенную гортань волка.

Беременной женщине запрещалось есть зайчатину; верили, что нарушение этого запрета приведёт к тому, что у ребёнка будут "заячьи" – крупные, на выкате глаза на. Рыбные блюда нельзя было есть, так как считали, это приведёт к появлению у ребёнка шелушения кожи головы. Рыбу не ели ещё и потому, чтобы у будущего ребёнка пальцы ног не были разъединены, как хвост рыбы. Если беременная ела орехи, то, по поверью, у ребёнка появятся веснушки. Запрещалось есть беременной варёный куриный желудок, так как считалось, что у ребёнка, когда он вырастет, во время танцев будут синеть губы. Если же беременная съест ножку курицы, то повзрослев ее сын будет сбиваться с такта во время танцев, а, если это девочка, то ноги у неё будут худыми. Женщине, ожидавшей ребёнка, не рекомендовалось употреблять слишком горячую пищу, в этом случае, считалось, что у ребёнка будет слабый волосяной покров. Ряд запретов были вполне рациональными. Так, например, беременной женщине категорически запрещалось пить водку, так как она будет тормозить умственное развитие ребёнка и повлиять на зрение. Запрещалось пить и вино. Правда, этот запрет объясняется тем, что у ребёнка, когда он подрастёт и будет пить вино, лицо будет сильно краснеть.

Беременным женщинам рекомендовалось также меньше употреблять мясные блюда, но зато побольше есть фрукты, овощи, молочные продукты.

Если в начале беременности трудовой режим беременной женщины изменялся незначительно, то во второй половине беременности некоторые виды домашних работ, особенно тяжёлые, считались для беременной запретными. Ей нельзя было колоть дро-

ва, молоть кукурузу на ручной мельнице, готовить аджику, месить абысту в большом котле. Беременной запрещалось носит воду и зерно на мельницу. Она выполняла лишь мелкие работы по дому, от которых освобождалась только перед самыми родами. Считалось, что чем больше беременная двигается, чаще бывает на свежем воздухе, тем легче пройдут роды. Подобные предписания, как и некоторые пищевые запреты, были конечно, вполне разумными и полезными, они отражали многовековой рациональный опыт народа.

К роженице во время родов не допускали женщин, которые ещё не имели детей, а также беременных. Запрещалось входить к роженице и женщинам в период менструации. К роженицам допускали только "счастливых" и "удачливых" женщин, т.е. тех, у которых было много детей, колыбель которых считалась счастливой и дети не умирали. Неудачные роды, смерть ребёнка или самой роженицы обычно приписывали вредоносной магии, которую могла применить какая-нибудь злая сноха или соседка.

В первые дни после родов к роженице и ребёнку старались допускать как можно меньше людей, чтобы их не сглазили.

К настоящему времени традиционная родильная обрядность значительно сократилась (главным образом за счёт исчезновения различных магических обрядов) и во многом трансформировалась. Наиболее стабильными оказались обычаи и обряды предродового периода, по народным воззрениям, способствующие умственному и физическому развитию ребёнка, благополучному исходу родов, хотя и здесь несомненно произошла существенная трансформация. Следует отметить стойкость бытования представлений о необходимости соблюдения пищевых запретов. Поверья же о действиях, оказывающих влияние на здоровье и внешность ребёнка, сохранились в меньшей степени. Мало соблюдаются запреты, которые прежде налагались на поведение мужа во время беременности жены. Сократилось число послеродовых обычаев и обрядов. Некоторые моления, сопровождавшиеся жертвоприношениями (Ажьаҳара, Адәныҟуа, Адгьыл-ччa), оказались сведены в один обряд. Если раньше есть обрядовую пищу разрешалось только женщинам, то в настоящее время в трапезе принимают участие и мужчины.

Руслан Гожба

К изучению обычного права и ораторского искусства у абхазов

"Следует признать, что черкесы несут свою долю ответственности за то, что не смогли продемонстрировать свое действительное значение как нации, т.к. ими не были окончательно собраны, изучены и распространены данные о своем языке, происхождении, национальных особенностях, традициях, мифах, национальной истории"

Мет Иззет-паша Чунатыкуа (шапсуг из Турции), профессор[1]

Обычное право абхазов стало привлекать особое внимание исследователей во второй половине XIX века, т.е., когда в Абхазии, как и в Терской и Дагестанской областях, было введено народное управление. В Абхазию был командирован ряд чиновников с заданием изучить обычное право и сословные отношения народа. Многие описания все еще ожидают своих исследователей. Материалы , посвященные обычному праву у абхазов, содержатся в опубликованных в прошлом веке работах Ф.Торнау, И.Аверкиева, А.Н.Введенского, Ф.Завадского, Краевича, К.Д.Мачавариани, Дж.Белля, Б.Богишича, А.Векуа; позднее - в трудах С.Ашхацаа, С.П.Басариа, Д.И.Гулиа, Г.А. Дзидзариа, Ш.Д.Инал-ипа, И.А.Аджинджала (у него была подготовлена рукопись по обычному праву, но, к сожалению, эта ценная работа пропала).

В не столь отдаленные времена в Апсны все споры, кровомщения, недоразумения и раздоры, а зачастую, и войны, разрешались третейским судом или конфликтующие стороны приходили к святыне - Аныхе, где давали клятву в невиновности и приносили очистительную жертву.

Обычно тяжущиеся стороны приходили в народный суд, где после беспристрастного опроса обе стороны приводились к присяге у священной кузни - *"ахрыцкьага ақура"* - "оправдательная клятва".[2]

Часто клятву приносили у священных мест - Лдзаа-ных, Лыхных, Инал-куба, Анып-ныха Дыдрыпщ, Елыр-ныха...

"Выбор судей происходил на началах уважения к лицам, пользовавшимся доброю славою и знающим законы страны, - отмечает И.Аверкиев в 1866 году - народные собрания, как и народный суд, происходили на местах, считающихся священными; русские называют такие места присягой. У джикетов таким местом собрания был небольшой холм, называющийся Чугур-ханыха, находящийся близ р. Чугур, верстах в 15-ти от Гагр... Народные собрания собирались прежде в оградах древних монастырей, развалины которых сохранились до настоящего времени. Подобные постройки у абхазцев, как и у других горцев, и места их считались священными".[3]

Особо важные дела обсуждал сам владетель Апсны, восседая на специальном возвышении, в тени священной липы, в присутствии наиболее опытных судей. Владетель в свою очередь был обязан подчиниться решению народного собрания -"*ажәлар реизара* ".

Дж.Белл, в течение нескольких дней присутствовавший на конгрессе абхазов, убыхов и западных адыгов, происходившем в 1839 г. в местности Геч (Малая Абхазия), отмечает: "Однако, из всего, что я мог понять это то, что решения, принимаемые старейшинами, - людьми, являющимися самыми разумными, справедливыми среди тех, кто связан этой же профессией - несомненно продиктованы величественным духом беспристрастности".[4]

В Абхазии каждый обязан был предстать перед народным судом - "Никакие сословные преимущества и никакие родственные отношения не могли служить препятствием в подобных случая"[5] - утверждают очевидцы. Анхаю мог подать в суд на князя, ахашала (зависимый),на своего владетеля и т.д.

Иногда в Абхазии прибегали к суду по шариату, особенно это практиковалось в тех случаях, когда дело касалось кровной мести. В Абхазии, по светскому суду, "цена крови" князя, дворянина, анхаю, ахашала, агруа представляла весьма существенную разницу, а перед судом шариата все были равны.

Когда светлейшие абхазские князья Ачба и Чачба не могли сами разрешить дело, обращались к Ауыбла - древнейший, самый почетный род у абхазов. "Потомки Ауыбла являлись выше всех царствующих родов. В Абхазской истории династические фамилии Ачба, идущие за ними Чачба, не уступающий им ни в чем предводитель Инал в законах (протоколе) абхазского народа стоят ниже Ауыбла. Их великий предок Ауыбла, стоящий выше царей и императоров, говоря языком религии, являлся пророком",[6] - подчеркивает абхазский ученый из Турции Бейгуаа Омар.

"Ауыбла ҳәа зызбаху рҳәауа ҳара ҳқын Аҳ ажәытә агыпарҭа змаз жәланауп ишаҳдыруаз Анкьа аизарақуа рҽы иааиуа азәы аҳ Ачба уи имоҭа Ачачба дихамгылар ҟалауамызт, аха Ауыблаа дымгыларҧхашьаразамызт, ҳажәа иалоуп "Уи д-Ауыблаауп дымгыларгьы ҟалап". Ус дук анырзбало Ауыблаа иҧхьазомызт аха, аус нырзымызбалаак Ауыблаа ҳцаны ҳизцаап - ҳа, ауысзбара дуқуа ацыхутәаны уи ииҳәаз акун иҟалауаз". "Как мы знаем, род Ауыбла у нас (абхазов - Р.Г.) в древности считался выше владетельской фамилии. В старину на сходах, собраниях все вставали, когда являлись князья Ачба и их "внук" Ачачба, но Ауыбла могли не вставать, это не считалось бестактностью. Когда обсуждалось серьезное дело, Ауыбла не вызывали, но если не удавалось разрешить дело, отправлялись за решением к Ауыбла. В самых серьезных вопросах его слово было решающим" - сообщает нам из Турции Ашамба Орхан.[7]

В Абхазии известны случаи массового примирения: "Между убыхами и абхазами разгорелась вражда. Взаимным набегам не было видно конца. Как только не пытались их помирить, ничего не выходило. Но в те времена были очень мудрые люди, "умевшие примирить огонь и воду", и они решали положить конец вражде. Собрались с обеих сторон и со всего Западного Кавказа самые уважаемые и почетные старцы, и они решили:

В устье реки Псоу, на правом берегу, лежит большая равнина. Туда были доставлены с их согласия, пятьсот молодых абхазских матерей и пятьсот убыхских матерей, с грудными детьми. Их вы-

строили в ряд, напротив друг друга с младенцами на руках, завязали глаза и обменяли младенцев. Потом женщин с детьми сразу же развезли в родные аулы. Сделано это было с той целью, чтобы в дальнейшем абхазы и убыхи, помня о том, что с той и другой стороны родная кровь, перестали мстить, совершать набеги, а когда дети вырастут, этот дружеский союз еще более укрепится.

По случаю примирения устроили пир, джигитовку, скачки и другие игры - и решили эту равнину назвать в честь торжеств, происходивших по поводу примирения абхазов и убыхов "*Агузҳара аԥҵа*" - "Площадь веселья радости". (сейчас на этом месте поселок "Веселое").[8]

Тот, кто осмеливался преступить священные традиции, подвергался всеобщему презрению - навсегда изгонялся из страны его клеимили позорным имя "амахагя". Вот как поется в старинной абхазской песне:

Говяжья лопатка, которую перед ним положили, оказалась
Свинячья!
Материнская грудь, к которой он прикоснулся, оказалась
сучьим выменем!
Бурка, которую расстелили перед ним, оказалась
черной грязью!
Род ваш позорный, да будет отныне носить имя амахагя!

(Песня о Кайтмас-ипа Халыбее)

Приведем в связи с этим одно свидетельство: "Мне рассказывали по этому поводу характеристический случай, происшедший между враждебным нам племенем убыхов. Они привели отцеубийцу из своих в одно из наших укреплений и сказали начальнику:"Этот человек убил своего отца. Его следовало бы предать смерти, но у нас этого давно не было, старики не помнят, да и не хотим мы опозорить нашу землю казнью свободного человека. Просим вас, возьмите его и делайте с ним что хотите. У вас, мы слышали, тоже не казнят смертника; ссылают куда-нибудь убийц; ну сошлите и нашего, просим вас, а нам девать его некуда, казнить не хотим. Дурной обычай - смертная казнь".[9]

Дж.Белл, присутствуя на конгрессе в м. Геч в 1839 г. среди абхазов, убыхов и черкесов, отмечал: "Во время различных судеб-

ных разбирательств этого конгресса меня часто, даже гораздо больше чем на севере, охватывало чувство восторга при виде той готовности, благосклонности и энергии, с которой люди выступали с речью на собраниях. Это являлось особенностью тех людей, живущих на том побережье (р-н Гагра - Соча-пста - Р.Г.), и объяснялось часто проходившими и свободными разбирательствами, пробуждающими интерес",[10] Особенно он выделял двух ораторов - молодого убыха Хаджи Берзека Керантуха:"Та хладнокровность с какой он воспринимал резкие высказывания и та терпимость и упорство, с которыми он занимался их анализом и опровержением, и в то время как седобородые старейшины уступали ему там, где были необходимы объяснения и доказательства и слушали его в немом молчании, вызывало чувство восторга к нему".[11] Вторым был абхаз Арслан (известный под именем Фытз-Леон), которого по осанке, умению держаться, голосу, ораторскому искусству Белл сравнивал с видными европейскими сенаторами и судьями того времени.

В самых сложных и запутанных делах благодаря мудрости и умелому поведению и ораторскому искусству судей, которые всегда избирались из людей с незапятнанной репутацией (часто из сословия анхаю, на человеке этом в первую очередь не должна была лежать кровь абхаза) - удавалось избежать кровопролития. В Абхазии в те времена практически не было тюрем - настолько были сильна вера и велико преклонение перед святынями и святыми местами и так были сильны и искусны в ораторстве судьи. О таких людях говорили, что "они словом заставят вскипеть котел с водой". В нартском эпосе есть сюжеты, где наши великие предки страстной речью воду превращают в пенистое вино или в бурлящий кипяток.

"Что должно быть показателем совершенства системы общественного устроиства? - пишет по этому поводу Дж.Белл, - Безопасность граждан, степень их благополучия, не так ли? На (Западном) Кавказе мы увидели такие же порядки, систему управления, какие не встретишь более нигде в мире. Население не обременено налогами, у них нет регулярной армии, ни судей, ни прокуроров, ни заключенных. Полиция и тюрьмы тоже отсутствуют. Образ жизни этих людей и их поведение в общественных местах безупречны, они сами определяют границы своей свободы".[12]

"К высшей категории уголовных преступлений в Абхазии были причислены следующие: 1)святотатство, 2)богохульство, 3)отцеубийство, 4)братоубийство, 5)посягательство на жизнь владетеля и членов владетельского дома, 6)измена отечеству, и 7)кровосмешение.

...Преступников отчуждали от общества, "это наказание, пишут очевидцы, - было ужаснее смерти. Все, с кем преступник был знаком, или в связях, прекращали с ним прежние сношения. Родные его опасались жить с ним в одном доме, сесть за общий стол и вступать в разговор. Остатки подаваемой ему пищи, выбрасывали при нем собакам, и все, к чему он прикасался, тщательно обмывали и очищали. Такое обращение с преступниками заставляло их удаляться из края». За воровство в Абхазии было следующее наказание: за первое - вору сбривали один ус, за второе - оба или «выставляли нагого в летнее время на солнце и обливали медом, для того, чтобы его беспокоили насекомые; в зимнее время выставляли его нагого на холод».[13]

В Абхазии при обсуждении дел применялся принцип коллективной мудрости. "...Например, в Самурзакании собирается по какому-нибудь поводу сходка, сошелся народ. Лица, собравшие его, обращаются к нему с изложением причин сходки и разъяснением дела, по которому она созвана. Народ слушает молча до самого конца вашей речи. Наконец, вы, положим, останавливаетесь. Кто-нибудь из народа спрашивает: "кончили ли вы?" Вы, положим, распространяетесь еще с убедительнейшей речью, наконец, исчерпавши все доводы и доказательства, объявляете, что вы кончили и изъясненному делу более ничего прибавить не можете. Тогда народ заявляет вам, что теперь "мы подумаем", "мы рассмотрим, что ты нам сообщил". Затем весь народ разбивается на кучки, чаще всего по три человека в каждой, но при нужде и по 4 и по, затем заявленный собранию вопрос рассматривается, в каждой кучке, причем, разумеется, такая кучка останавливается на чем-нибудь одном, а именно: если согласиться - то в какой степени именно, «если не согласиться - то почему именно". Придя к какому-нибудь решению каждая кучка из Среды себя выбирает кого-нибудь оратором, который и должен говорить в духе того, на чем остановились все они в

время обсуждения вопроса. Затем такая кучка начинает ходить между народом, спрашивая - "кто окончил?" и тем отыскивая такую же троицу лиц, порешивших с вопросом также, как и они, и также избравших из Среды себя одного оратора. Вообще необходимо найти две такие кучки, так что из трех составляется уже одна от 9 до 15 человек численностью, так что вскоре весь народ из мелких групп собирается в подобные же 9-душные группы или в 9 (или около) человек. В таких случаях большинство лиц уже соблюдает строгое молчание, наблюдая только за своими ораторами, между которыми уже исключительно происходит борьба мнений. Когда эти ораторы порешат на чем-нибудь одном, а затем также отыскивают группы, окончившие прения и составляются уже толпы около 30 человек в каждой, наконец, таким же порядком около 100, и наконец собирается в одну толпу весь народ, т.е. вся община, так как в административном отношении весь Самурзакан делится на общины. Затем последние ораторы, состязавшиеся перед лицом целого народа, во главе одного, подходят к лицу, созвавшему сходку и объявляют ему "господин" или "начальник народ рассмотрел сделанное тобою предложение, находит, что оно полезно или современно, почему он соглашается сделать то, что ты предложил. Если народ не соглашается, то те же ораторы таким же порядком объявляют несогласие его, причем пересчитывают и причины, почему не могут их исполнить. Вся же толпа в обоих случаях стоит уже в безмолвии и только слушают своих избранных. Неправда ли, поразительный способ "народоговорения" и "народообсуждения" дел?

Собственно в Абхазии только и в том состоит отличие, что первая толпа разбивается на фамилии, в которых бывает и 5 членов, бывает и 30, но затем продолжается тот же порядок дальнейший". (1871 г.).[14]

В случае похищения имущества или развода приносили взаимную клятву. Вот один пример из чеченской, а другой - из абхазской жизни. Клятва чеченцев на могиле предков: "Хозяин похищенного имущества, приготовив предварительно брагу и зарезав барана, приглашал подозреваемого со всеми родственниками к себе в дом, и, угостив на славу, отправлялся затем с ними на свой фа-

мильный каш (могилу - Р.Г.). Его сопровождали вооруженные родственники.

По прибытии обеих сторон на могилу подозреваемый вешал на спину свою дау *- корзину сплетенную из хвороста. Затем на шею подозреваемому надевали веревку и три раза обводили его вокруг каша.

При этом потерпевший говорил: "Да будете вы, солнце и луна и такой-то (произносится имя почтеннейшего человека из живых на этом свете), а на том - такой-то (имя наиболее уважаемого из мертвых), свидетелями. Это ты (обращается к подозреваемому) приносишь мне присягу в незнании и неведении случившейся у меня кражи. Если ты совершил кражу и принимаешь ложную присягу, то да перенесутся на наших родственников, покоящихся в этом каше, все те же поминки, какие ты и твои предки делали для своих покойников».[15]

"Обычай, наблюдавшийся в Абхазии в случае развода между несогласными супругами». Особенности этого обычая состоят в том, что кроме исполнения того договора, который был постановлен при заключении брака, разводимые должны были в особом собрании местного народа, произнести еще клятву приблизительно подобного содержания: "Клянусь, что если бы при таких обстоятельствах и условиях, как настоящие, разводились бы моя дочь или сестра, то я не признавал бы себя оскорбленным". Подобную же клятву произносит и другая заинтересованная сторона.

По заявлению г.Проценко, г.Богишич не встречал подобной клятвы ни у одного из европейских племен и признавал за ним высокогуманное значение".[16]

У абхазов было специальное божество Джикер-салат-ах-ду – Божество, направляющее мысли человека. Вот как описывает А.Н.Введенский в 1871 г. этот ритуал: "Джикер-салат-ах-ду - Направляющий мысли человека. Ему молятся раз в году все, как мужчины, так и женщины, какого бы возраста они ни были; за слишком маленьких жертву приносит их родители. Моления и жертвоприношения совершаются по четвергам (только во время постов великого и спасовского) и непременно под открытым небом, а отнюдь не в доме. Каждый из жителей заранее заботится о приго-

товлении жертвы Джикер-салату, для чего выбирают между цыплятами курочку и надрезают ей гребешок. Как только операция эта сделана, курочка считается посвященной Джикерсалату и не может быть ранее употреблена в пищу. Когда цыпленок достаточно подрастет, его режут и варят без перцу и соли; к нему прибавляют четыре маленьких четырехугольных хлебца из пшеничной муки, и все яства складываются в чашку. Молящийся берет жертву и черепок с угольями и выходит из дому, так чтобы его не видел никто: бросив на ладан уголья, он обращается к Джикер-салату со следующей молитвой: "Джикер-салат-ах-ду! Ты, который управляешь разумом человеческим, просвети ум мой светом твоим, остереги меня от всех необдуманных поступков и научи меня жить со всеми в согласии." После этого молящийся, бросив кусок курицы и хлеба на уголья, с остальной жертвой возвращается в дом и предлагает закусить своему семейству и гостям. Если молящийся дурного характера, то никто не только из посторонних, но и людей самых близких ему, не прикоснется к жертве, принесенной им Джикер-салату."[17]

Умению вести речь, обращаться по достоинству со старшими, младшими и ровесниками, не переступать дозволенную грань, абхазам прививали с самого раннего детства. Одной из "начальных школ", где ребенок получал первые навыки сложнейшего абхазского этикета, было застолье. Ребенок постоянно стоял на ногах, не смея садиться в присутствии старших, ухаживал за гостями и впитывал в себя первые навыки ораторского искусства.

В Апсны издревле существовали ораторские школы, где в тени вековых деревьев, этих Академий абхазской словесности, ученики обучались ораторству у наиболее искусных мастеров слова. Все абхазские форумы ораторов проводились на древней Лыхненской поляне *(Лыхнашта)*, в тени священной липы. Часто устраивались состязания острословов - *"бызла еикудырцон", где требовались находчивость и острота ума. На свадьбах, скачках и других торжествах проводилось соревнование "мастеров смеха" - "асмарқулҳәара".*

Наиболее известные острословы садились полукругом, вокруг них собирался народ. Старший, обратившись с приветствием к народу произносил в самой изысканной вежливой форме следую-

щие слова: "Сейчас начнется состязание, мы будем шутить, но очень просим всех собравшихся ни в коей мере не воспринимать все буквально, ибо это юмор, асамаркул. Еще раз просим всех ни на что не обижаться". С таким же обращением выступают еще несколько человек, и затем перед собравшимися "оживают" несколько "Ходжей Насреддинов".

К.Мачавариани в нач. XX в. отмечал: "Особенным влиянием пользуются также песни и танцы в хоровых плясках, когда на обширной площади собирается молодежь из разных сел и когда село выставляет своего поэта на состязание.

Эти певцы не встречают никакой трудности в обличии своих мыслей в поэтическую форму в течении целого дня и целой ночи, в особенности когда они являются на грандиозные собрания для указанного выше состязания, в обширном хороводе стоят поэты с 2-х противоположных сторон и поэзия их льется широкой волной".[18]

Ораторские способности, умение держать себя, проводить народные собрания изумляли многих, имевших непосредственный контакт с абхазами.

Прекрасный знаток абхазского быта К.Д.Мачавариани по этому поводу пишет: "Речь оратора-абхазца увлекательна и до того обстоятельна, что порой убеленные сединой старики заслушиваются ею. Кто в совершенстве владеет абхазским языком, тот пользуется сильным оружием, чтобы проникнуть во все изгибы души, во все уголки сердца. Как я сказал выше - народный гласный суд, к которому допускаются жители обоего пола не разбирая возраста создает среди абхазцев ораторов, выдающихся. Правда иная речь начинается с Адама или Одиссея, но оная бывает всегда интересна, что волей неволей хочется дослушать ее.

Послушайте речь абхазца со всех сторон, окруженного многочисленным миром, решающим семейные, общественные, сословные и другие дела по обычаю страны. Слушая даже обыкновенного оратора или поэта, вы не знаете чему удивляться - логической ли его последовательности или счастливому сцеплению разнообразных по силе слова и выражений. Бесконечная речь его, основанная на законах здравого смысла, несется неудержимо. В бесконечных сравнениях, фигуральным образом и в чудных аккордах слышатся

глубокие истины, практически годная житейская мудрость, завещанная предками и проверенная опытом собственной жизни.

Часто одно слово, даже один звук абхазского языка соответствует 5-6 словам другого языка. Удивительно, что не только слова, но и даже слоги или один звук в абхазском языке выражает полное понятие. Есть такие слова и выражения, которые решительно непереводимы на другие языки".[19]

Чуть позднее, в 1923 г. - объездившая весь Кавказ, в том числе и Апсны, журналистка З.Рихтер отмечала: "Но никогда мне не приходилось присутствовать на таком сдержанном, я бы сказала культурном собрании. Абхаз выслушивает оратора - не перебивая его ни шумом, ни возгласами, в классическом бессознательно-величавой позе, опираясь на высокий посох или винтовку. Противнику дают высказаться до конца, а возражают с изысканной корректностью, которой мог бы позавидовать любой лорд. Они очень солидарны и дисциплинированы, все вопросы решают необычайно быстро".[20] Словом, как в древнекитайском изречении: "Умеющий говорить не допускает ошибок"(Лао-Цзы).[21] Академик Н.Я.Марр говоря об абхазском языке подчеркивал, что "абхазский язык лингвистически стоит на одной из самых высоких ступеней развития человеческой речи".[22] "Слово лечит" - говорят абхазы.

Столетняя Кец-пха Елыф, в 1877 г., в результате геноцида попавшая в Грецию, а оттуда волею судьбы в 1921 г. - в греческую Македонию, рассказывала такой случай: "В Апсны в роду Бейгуаа старшим считался Бейгуаа Кагина. Он был известным оратором. Вогнав алабащу в землю и повесив на нее башлык, он мог говорить часами и не повторяться, никто не мог сравниться с ним в ораторском искусстве. Однажды ахчыпсувцы и абжуйцы поспорили, кто может перебить его. Куагина произносил речь. В конце оратор из Ахчипсы, будто намериваясь взять у него слово, изо всех сил вонзил острый наконечник в ногу Куагины. Но тот спокойно продолжал речь, словно ничего не случилось. Окончив слово, он повернулся к оратору из Ахчипсы:

"Ах, это ты! Даже бы ваш владетель не остановил бы мою речь. И этот посох ты вонзил не в то место, вынь его". Ахчыпсовец выдернул посох из раны. Затем Куагина снова обратился к нему:

"Будет лучше, если тот, кто подстрекнул тебя на это, явится ко мне". Затем он снова продолжил речь".[23]

Офицер кавказской армии В.Скарятин, ознакомившись с бытом народов, проживавших на восточном берегу Черного моря, подметил, что близкородственные абхазам "убыхи, шапсуги и натухайцы... замечательны своим красноречием, остроумием и находчивостью в ответах.

Слушая их, как будто читаешь страницу "Илиады", присутствуешь при переговорах воинов и греческих вождей, осаждавших Трою".[24]

Приведем еще один характерный пример, описанный им же:

"В другой раз несколько старшин враждебного нам племени, жившего вокруг укрепления, пришли в квартиру его начальника и, усевшись на диваны, молчали. Прошло полчаса, а начальник тщетно ожидал, чтобы старшины объявили причину своего посещения.

Выведенный, наконец, из терпения упорным молчанием своих гостей, он сказал им:

-Зачем вы пришли? Что же вы молчите? Почему не объявите причину вашего прихода ко мне?

-У нас есть обычай, - возразил один из старших, - по которому, когда гость приходит в дом хозяина, то он и объявляет о причине своего прихода. Мы здесь хозяева с тех пор, как Бог дал нам эту землю, а вы - гости, пришедшие недавно. Стало быть и начать говорить следует тебе, не нам."[25]

Симон Басария, будучи активным участником и свидетелем событий 1917-1918 гг. в Абхазии, вспоминал: "Надобно было слышать в 1918 г. в разгар меньшевистского владычества, дискуссию с одной стороны, видных ораторов соц.дем. Грузии, а с другой стороны, простых крестьян-абхазов, Гедлачи, Кобзачи и пр. ораторы народной совести, правды и гнева в защите национальных прав самостоятельности, в освещении традиционной любви к свободе, в указании заведомого безумия со стороны одной нации, только уже освобожденной из-под ига, загнать под это же иго другую маленькую нацию. Надобно было видеть позитуру крестьянина-абхаза, возражающего и защищающего высшие идеалы человеческого права. Он слегка опирается на рукоятку кинжала (обычное явление)

или небрежно складывает руки на палку, подставляет палку к левому или правому плечу, корпус свой несколько клонит к земле, сам смотрит то на землю, то на оппонента, то на народ, то вдаль - в леса и горы, его равнодушное лицо вся эта небрежная, не ораторская поза как бы говорит - мне ли отпрыску тех сильных мужей, тех свидетелей седой старины, тех защитников народной воли от венецианской ловкости, турецкой грубости, арабской мудрости, римского красноречия, византийской философии - говорить с вами, играющими в империализм, мечтающими о подчинении "под ноги" соседней нации, а потому ли мне слушать ваше языкоблудие о равенстве, священных правах каждой нации, о святости ее культуры, языка, территории... И лилась из уст этого выразителя народной идеологии сильная, стройная, красивая струя красноречия, - такая очаровательная, нескончаемая, несравненная в настойчивости, как горная кристальная речка, разрушающая утесы - преградители дороги к широкому морю, к ясному солнцу. Горная струя страшной лавиной входит в расщелины камня и отламывает его неуклюже бока; оратор-старик мудрым абхазским наречием вроде - "мозги, выдумавшие порабощение одной нации другой, должны быть выкинуты из головы"; или "рот, произнесший эту скверную мысль - нужно вполоснуть" или "только рабская душа, освобожденная из под гнета, сама гнетет" и пр. выражениями - поражает таких апостолов красноречия, как Исидор Рамишвили и присные его."[26]

Известными ораторами и судьями в Апсны в прошлом веке считались: Аджир-ипа Камыш - Псху, Лымхаш Асламыкуа - Дал, Шамба Осман - Иашыра, Бзыбская Абхазия - Хагба Камгаз,Гумба Лафас, Гублиа Ханашв,Дзыгу-ипа Цгу, Чац Чагу, Лейба Куаджыж, чуть позднее - Мыкуба Аабыдж, Ладариа Осман, Бебиа Чичин, Матуа Джысып, Гумба Рашьыт, Еслам Чичба, Тванба Осман...

В Абжуа - Арышба Гедлач, Гудиа Барганджиа, Осман Киут, Кигуа Киут, Хабыдж Ашуба, Ахуба Джыр, чуть позже - Чачхалиа Наурыз, Дзлаиа Дырми, Цнариа Сейдык, Арышба Сулейман, Лашинджал Куалашь, , Шакаиа Кесоу, Иаса Гындиа...

В Аджарии - среди батумских абхазов - XIX в. -Ахмед Аджеджба, Ахмет Ардба, Саманба Халил, Ачугба Маху, Аланба Мыс-

тафа, Цысху Мурат, позднее: Чазмаа Рсим, Чазмаа Мурат, Кудба Хурщит...

В Турции - Барас Ламщыху, Куадзба Хаджим; Джинджал Хадажыкуа, Харания Хасан -Соук су, Гуаджуа Шериф, Абла -ипа Щахар – Ахтафа; Бганба Сулейман, Бганба Расымбей - Бганаа ркыта; Аыгуба Мурат, Тванба Осман – Сазкёй; Джудар Мамсыр, Аюдзба Алцыку – Гума; Мазах Кяаамил, Ахьиба Басиат - Бычкы, Ашуба Наджаб, Батыр Идрыс – Хаджисулейманбей; Чалакуа Дахвыкуа, Каю Едыг - Чылау; Аюдзба Осман - Дариар, Самахьхуа Кяаазым – Карадара; Цвеиба Осман, Чанба Зикуатла - Кайлар, Агумаа Махаз – Куйнал; Папа Шрыф, Лапщ Басыр – Апсара; Папа Иатым - Цабал...

При разборе сложных и ответственных дел среди абхазов проживавших в Турецкой республике широкой известностью пользовались: Аюдзба Алхас, Ашуба Зекераиа, Джидж-ипа Кажа, Кьыл Кьаащиф, Трапш Кяаамил; Харания Тыуфан, Уанача Алыйса, Ачба Разаа, Джыр-ипа Камыш, Тарба Мыстафа, Ачуа Щахан...[27]

Древние абхазы прекрасно понимали, что все объять невозможно и выразили это понятие в афоризме: *"Зегьы здыруа ика-да?»* - Нет среди нас смертных того, кто может объять (понять) все!" И поэтому одной из любимых форм времяпрепровождения у народа был непрестанный обмен информацией и новостями, где веками и тысячелетиями оттачивались житейская мудрость и философское отношение ко всему происходящему в мире. В своей речи оратор никогда не повторялся; через 20-30 слов обязательно вставлял мудрое изречение, прибегал к жизненным новеллам, сюжетам которым позавидовал бы любой великий драматург. Чтобы оживить аудиторию, внимательно слушавшую его, мастера слова прибегали к неожиданным переходам, сравнениям, их речь была насыщена мудрыми афоризмами и пословицами, многие из которых идут от Великого нашего Учителя - Ауыбла. А уметь говорить и вести себя абхазы учились с раннего детства; вся жизнь абхаза- рождение, свадьба, похороны, поминки, прием гостя, собрания, примирение враждующих, дальние походы и путешествия... все было связано с ораторским искусством. В странствиях старший обращался к младшему со словами: "Сократи нам путь", это иносказательно

означало: "Поведай нам интересную историю, которая отвлечет нас от трудностей пути..."

Слово в Апсны имело великую силу, ибо оно исходило из своеобразного синтеза нравственной чистоты, высокого духа и величия сердца. Обладателей такого слова абхазы уважительно называли "Ацқьа" или "Аҧсыцқьа",что сочетало в себе два понятия - "чистый" и "святой". И поэтому СЛОВО, исходившее из уст этих людей, всегда достигало цели. О таких людях говорили: "Они общаются с Пророками", т.е. мудростью своею они превосходили обычных людей и могли поведать о глубоком прошлом и далеком будущем...

Примечания:

---

[1] Omer Buyuka Abhaz Mitojisi Anacmi. Istanbul, 1971, p. 3.

[2] Аджинджал И.А. Из этнографии Абхазии. Сухуми. 1969. С.25О.

[3] Аверкиев И.С. С северо-восточного прибрежья Черного моря. газ.. "Кавказ", 1866, № 7.

[4] Дж.Белл. Письма о пребывании в Черкессии в 1837, 1838 и 1839 гг. Лондон, 1840, письмо XXXI,(перевод с англ. Аиды Ашуба).

[5] Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель по городу Сухум и Сухумскому округу. Сухум, 1913. С. 315.

[6] В. Omer Buyuka,Указ.соч. С. 209-210.

[7] Сообщение Шамба Орхана.

[8] Рассказал Анзор Мыкуба. Эту историю он неоднократно слышал со слов отца Мыкуба К...

[9] Скарятин В. Заметки о Кавказе: “Отечественные заметки”, 1862, т.141, №4. С.537.

[10] Дж. Белл, указ соч.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Завадский Ф. Указ.раб.

[14] Сухум, 19-го июля. г.”Кавказ”, 1871, 30 июля (11 авг.), №88.

[15]

[16] Труды У-го археологического съезда в Тифлисе. 1811. Тифлис. 1887, с.XXIII.

[17] А...ъ(Введенский А.). Религиозные верования абхазцев. “Сборник сведений о кавказских горцах”. Тифлис. 1871, в.У. С. 11-12.

[18] Мачавариани К.Д. Светлой памяти, павшего на войне героя, корнета К.Ш.Лакрба. Батум, 1917 (в рукописи).

[19] Там же.

[20] Рихтер Зинаида. Кавказ наших дней... глава Патриархальный быт. Газ.“Абхазский университет”. 1989, № 14,29 апреля. С.3.

[21] Китайская литература. Хрестоматия. М. 1959, т.I. С.99.

[22] Марр Н.Я. Кавказоведение и абхазский язык. СПб. 1916. С.

[23] Со слов Иззета Бейгуаа, 80 лет, записала Махинур Папба, с.Абжакуа. Турция. 1976 г.

[24] Скарятин В.С., там же, т. 142, № 5. С.308.

[25] Там же. С. 309.

[26] Басария С. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-кале. 1923. С.51-52.

[27] Сообщение Бейгуаа Омара, ХаранияДжемала, Бганба Дженгиза (Турция), Ачугба Темура (Сухум).

Цира Габниа

Анцамҭақәа рҟынтә

Аҧсуа жәлар рдоуҳатә бенара нахыҵхыҵтоуп рдуненхуаҧшра, рдинхаҵара, раҧсуара. Урҭ ахҵаҕьы аҧсуа иҵстазаара нагуҵәны иҟоуп. Дара аазырԥшуа аҳәамҭа ссақуа раҧооуп ажәлар рсаҧыҵтә казараҽы. Рышьатақәа нагоуп аҧсуа цаскоен ақьабзқәеи ирыдҳәалоу аритуалқәа реы.

Иахьа урҭ, инханы иҟоу ажәлар ргәалашәарақы, раҧстазаараҽгьы ахархәара рымоуп. Аҧстазаара азхуҧраан, адкыларааи, системак иҭагзаны изыкәныкәогьы дара роуп.

“Аҧсуара хҧа рыла инҧәоит:
1. Аҧхашьара;
2. агуаҧьра;
3. ачҳара”.[1]

Асаби даниуа ашаҧәа ахьыкәтәоу “цәгьаки - бзиаки, цәгьаки - бзиаки” рҳәоит. (Убрын азоуп аҧстазаараҽы абзиеи ацәгьеи зеиҟроу).[2]

“Ауафы акранифо аамҭеи, иеаникәабо аамҭеи ишыкус цхьазара налаз-

ам. Анцәа ус иақәиҧеит, ҳамтас аҧсуаа иҳаитеит арҭ аҩ-аамҭакы.”[3]

“Аҧсуа жәаф҆ҵара дыҧхәыз-
ҭьы, ахура зпаз “узбаӄоу”- хәа
даизҵаа, “ хар сымам” - хәа ди-
хаҵгылт.”[4]

“Анкьа уажәы ҳара адәы
ҳзыӄәу еиҧш адәы иҟәын, иҳа-
лан аҩстаацәа, ақачаа зегьы.
Аха ауаҩы даҩыстаахо данала-
га урҭ ажәҩан ахь иҧсит.”[5]

“Аҵьбыжьқәа акәакьқәа ин-
рыгҿасуа атзамцқәагьы аҿса
рыхгоит.”[6]

“Аҧсуаа изларҳәо ала, анцәа ихьз
лассы-лассы аҳәара иара ихаҭа
даргәаауеит. “Анцәа, анцәа, анцәа”
- ҳәа даныхҭоуклакь, “Измааноузси,
анцәа, анцәа, анцәа - ҳәа

сзыхтаҧәкзеи?” - ҳәа дгу-
амҵуазаап.”[7]

Арцәаа ҳәа аҳәҳәабжьы наҳаит
ациамбар диасны дызцоз.
“Икалазеи? “, - ҳәа даиҵаа, “Ахәчы
дыблит”- рҳәеит.
“Аҵьымшьцәа амца иакуҳаз
ҵьысшьон, ахәчы дыблызар, дыб-
зиахап”,- иҳәеит.”[8]

Уахынла унаҵхыҵ хыуссар, унасыҵ
гәакәа адәы иаақәхоит еыцәахырҭа
амамкәа
“Сабаҵари” - ҳәа. Избанзар,
уахынла унасыҵ унаҵхыҵ аҿы
аеаҵәахуоит. Убри азы еынлан
аиьаҵхыҵ хыуссар ѣалазом, уа-
хынла - анаҵхыҵ.”[9]

“Ауаҩы хынтә дыцеоит
1. Дыцеит, аха макьана
дырцәыуоит, адунеи аҿы дыӄ-
оуп.
2. Акәпа дантарцалакь
"Сыцсыцәкьама “- ҳәа зныӄ
хыла адамра дасоит.

3. Анышә данарта, нарцә мҩа дыкәлоит. Уи ахынтәтәи ицсроуп.”[10]

“Ан лылацырз адыыл икәтәар, Нарцәы имныныханы лычкәныи лареи ирыбжьалоит ҳәа ицхьазоуп. Убры азы ауп ан лхәчы изы алацырз калтәар калазом ззырҳәоигьы. Цсыуацас Ацәыуара мыцхә нашазам, Ицсыз изеицәоуп ҳәа ирыцхьазоит, зны ицалоит рҳәоит.”[11]

“Ҽыц ицсыз дахьжу ааигәара даеазәы дыржуазар уа ижу изаангә-оу. итынхоу азәы анышәынтраҽ днеины “Умшәан, умшәан” - ҳа ҳәо аҩы, азы картәон. Избанзар, аҧс ҽыц аҳәҳәабжьы даршәоит ҳәа ицхьазоуп. Ажәытәуаа ирҳәон. “Аҧсы ишыкәс цананза изхылцыз ажьы иахылаҧшоит”- ҳа.”[12]

1. “Зыпыкәс цананза асаби ицсыз, аҩны дацадырцхьазом. Данцсыз аены анышә дартоит. Даанужьыр,”Аҿа аурбоит” - рҳәоит.”

2. “Зыпыкәс цананза ицсыз асаби дырцәыуазом, аҳәҳәабжь лыцсы арпәоит ҳәа.”

3. “Зпыкәс цананза ицсыз асаби шьыбжьон аанананза дыржуеит. Шьыбжьон инхыҳәҳәар, “Лтыц аҿы дненананза иланыцоит, иланыцар, лыцсы хучы шәоит” - рҳәоит».[13]

Азгәатакәа:

1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13 - атекстқәа лҳәамтоуп Арда Смыр-Габниа. Диит Кәланырхәа ақытан.

Ианылцеит Ц.Габниа. Цьырхәа ақ. 1996 ш.

5-тәи атекст лҳәамтоуп Шамы Минака. Ианылцеит Ц.Габниа. Цьырхәа ақ. 7.УП. 1978 ш.

9-тәи атекст лҳәамтоуп Ира Кәакәасқьыр. Ианылцеит Ц.Габниа. Акәа. 1996 ш.

Редактор **Аргун Л.Е.**

Тех.- худ. редактор **Бжания А. Ю.**

Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Тираж 500. Физ. печ. л. - 4,5. Усл. печ. л.- 4,2.
Заказ № 47. Цена договорная.

Издательско-полиграфическое объединение
Республики Абхазия. г.Сухум, ул. Эшба, 168.